

И. С. Вдовин

Религиозные культы чукчей

Приступая к изучению религиозных культов чукчей, естественно, следует обратиться прежде всего к монографии В. Г. Богораз-Тана «Чукчи».¹ Во второй части, как и в других частях его труда о чукчах, читатель не найдет строго научного, теоретически последовательного анализа. Нет в этой работе и определенной методологии, необходимой в таких случаях организованности материала. Автор просто следовал программе, которой он руководствовался, и главным образом фактам; он писал о том, что видел и что слышал. В предисловии к изданию на русском языке первой части монографии «Чукчи», вышедшей в 1934 г., В. Г. Богораз по поводу научной направленности своей работы писал так: «Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер всей моей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения. Ибо я должен сказать вообще, что во время полевой работы, а также и после того я относился с недоверием ко всем существовавшим в то время теориям развития первобытного общества».² Эта преувеличенная осторожность и обусловила особый характер его работы, представляющей огромное собрание фактов, однако не очень последовательно систематизированных, и поэтому сведения о религиозных культах чукчей рассеяны по всей работе. Сказанное ни в какой мере не умаляет ценности, которую представляют эти материалы для исследования состояния религиозного сознания чукчей в конце XIX—начале XX в. и в том числе их культов.

Религиозные культы находятся в определенной соотнесенности, связи с религиозными представлениями. Религиозные культы есть совокупность действий, связанных с верой в существование сверхъестественных сил, благосклонность которых достигается путем их умиловления. В религии чукчей еще не прослеживалась борьба за монотеизм. У них господствовали политеистические представления и соответствующие им культы. В религиозной практике чукчей и коряков культовые объекты были довольно разнообразны и многочисленны. Чукчи и коряки поклонялись олицетворяемым явлениям природы, особым предметам, изготовленным человеком или найденным готовыми. Все они казались владельцу обладающими особой силой, сознанием, волей, благорасположением к человеку и другими свойствами разумного существа.

В числе культовых объектов чукчей были воображаемые, якобы здравствующие, но невидимые существа. Это и покровительствующие живым предки, и мешающие спокойно жить людям, преследующие их *кальэт* — в основном всегда недоброжелательные к людям существа. Главными фор-

¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II. Религия. Л., 1939.

² Там же, с. XV.

мами выражения культов были жертвоприношения, кормления, сопровождавшиеся словесными обращениями, просьбами. «Как известно, — отмечал К. Маркс, — во всех религиях покаяние, жертва, а по возможности и самопожертвование составляют самую суть богослужения, культа».³

Всем «священным» предметам, действиям, обращениям приписывалась способность изменять в нужном для человека направлении ход и развитие событий, вызывать желаемые и предупреждать, приостанавливать нежелательные явления.

Комплекс культов чукчей и коряков состоял из объекта поклонения, формы проявления культа, его содержания или назначения. Как уже отмечалось,⁴ религиозные представления чукчей распадаются на две линии развития. Одна включает в себе представления о природе и ее явлениях, другая отражает социальные отношения, основное, главное их содержание. Культы природы, ее олицетворение — исторически явление более раннее.

«... Всякая религия является не чем иным, — писал К. Маркс, — как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил».⁵

В религиозных культах чукчей находим отражение и культов природы, и культов общественных сил. Обе эти линии развития религиозных представлений и культов чукчей получили довольно отчетливое выражение. У чукчей — оленеводов и приморских охотников были некоторые отличия в религиозных культах, обусловленные особенностями производственной деятельности. Если в религиозном сознании оленеводов все основные культы определялись желанием поддерживать и успешно развивать оленеводство и связанный с ним быт, то для приморских охотников было характерно поклонение морю — их главному источнику существования. Вместе с тем у тех и других существовали общие представления и общие культы. Это в первую очередь культ Наргынэн (Природы, Вселенной), Рассвета, Полярной звезды или Зенита неба (обители «Творца»), созвездия Пэгиттин и некоторых других, а также ряд промысловых культов. Очевидно, данные культы и соответствующие им представления сформировались у предков современных чукчей до возникновения у них первого общественного разделения труда (т. е. до сложения специализации): с одной стороны, выделения пастушеского оленеводства, с другой — морского зверобойного промысла при оседлом образе жизни.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 372.

⁴ Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей (вторая половина XIX — начало XX в.). — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1976.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 328—329.

Общим для всех чукчей, коряков и сибирских эскимосов было также то, что они не выработали никаких наглядных изображений культовых объектов природы. Некоторое исключение составляли лишь Полярная звезда, солнце и, по-видимому, созвездие Пэгиттин. Их изображения встречаются иногда как символ, как напоминание. Так, на временной ритуальной росписи внутренней части потолочных балок землянки (*жле-гран*), сделанных из челюстных костей кита, были такие рисунки. Они скопированы художником Л. Ворониным, участником экспедиции И. Биллингса.⁶

На основной балке слева изображены в виде человеческих фигур, по-видимому, две звезды из созвездия Пэгиттин. От их голов в разные стороны расходятся лучи. Обозначены туловище, ноги. На второй балке справа нарисовано солнце с обозначением глаз и рта, многочисленных лучей. Изображение Полярной звезды, сделанное из дерева, было прикреплено к обечайке бубна чукотского шамана (рис. 1).⁷

Изображение солнца встречается на кожаных мячах и некоторых других предметах. У оседлых и кочевых чукчей каждая семья имела домашних (семейных) охранителей *тыйуыквыт*. Это связки разных предметов, преимущественно остатки, части животных, птиц. Обязательными в таких связках были изображения предков (деревянные, кожаные), доски-огнива и традиционные в данной семье предметы: клюв ворона, коготь медведя, шкура песца, лисицы, череп волка, песца, белого или бурого медведя.⁸ По представлениям чукчей, все эти предметы обладали присущими человеку, данному виду животных, птиц жизненными свойствами. Но это не были божества, а только охранители семьи, жилища от кэльэт, стада от нападения волков и т. п. Находясь в жилище человека, они защищали его обитателей средствами своей грубой силы (медведи, волки), ловкостью и хитростью (песцы, лисицы), мудростью (ворон), жизненным опытом (фигурки предков). При всех обращениях и жертвоприношениях Рассвету, Наргынэн, Полярной звезде, созвездию Пэгиттин домашние святые всегда выносились из жилища к месту отправления таинства. Таким образом они, как и их обладатели, принимали участие в этих ритуалах, т. е. они рассматривались как члены данной семьи, патриархальной общины. Им не поклонялись, не приносили жертв, их только угощали, кормили. Поэтому необходимо отметить, что из общей связки семейных охранителей чукчи выделяли особо «предков» и огненные доски. Отношение к ним было несколько иное, что определялось функциями этих охранителей, которые далеко выходили за рамки простой охраны семьи от кэльэт.

Чукчи и коряки находились в определенных отношениях с культовыми объектами природы, стихиями, разными видами «бытия» (сострадательное бытие, бытие, дающее удачу, и т. п.), с семейными и личными охранителями. Степень зависимости человека от разных объектов культа не была одинаковой, не было одинаковым и отношение к ним. Одни из них почитались как могущественные существа, например Тэнантомгын («Творец»), Наргынэн (Вселенная, Природа). Все они были созданы без участия людей, существовали независимо от них «со времен творения». Эти существа якобы давали людям средства к жизни, посылали промысловых животных, покровительствовали успешному раз-

⁶ Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945, вклейка между с. 96—97; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, с. 421.

⁷ Лавров И. П. Рисунки Ойно (к мифологии чукчей). — Советская этнография, 1947, № 2, с. 123.

⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 48—50.

виту оленеводства. От них зависело благополучие людей. Такие представления были общими для всех чукчей и коряков. Поэтому их считали общеплеменными, народными «божествами». Другие — охранители и покровители — выполняли более узкие функции. Они могли быть личными, семейными, патриархально-общинными и самое большее — охранителями и покровителями селения. Жертвы им не приносились, они получали лишь часть добычи, пищи. И еще одно важное обстоятельство. В отличие от культовых объектов природы, бытия (*вагыргыт*), семейных и личных охранителей люди либо изготавливали сами, либо, найдя особого

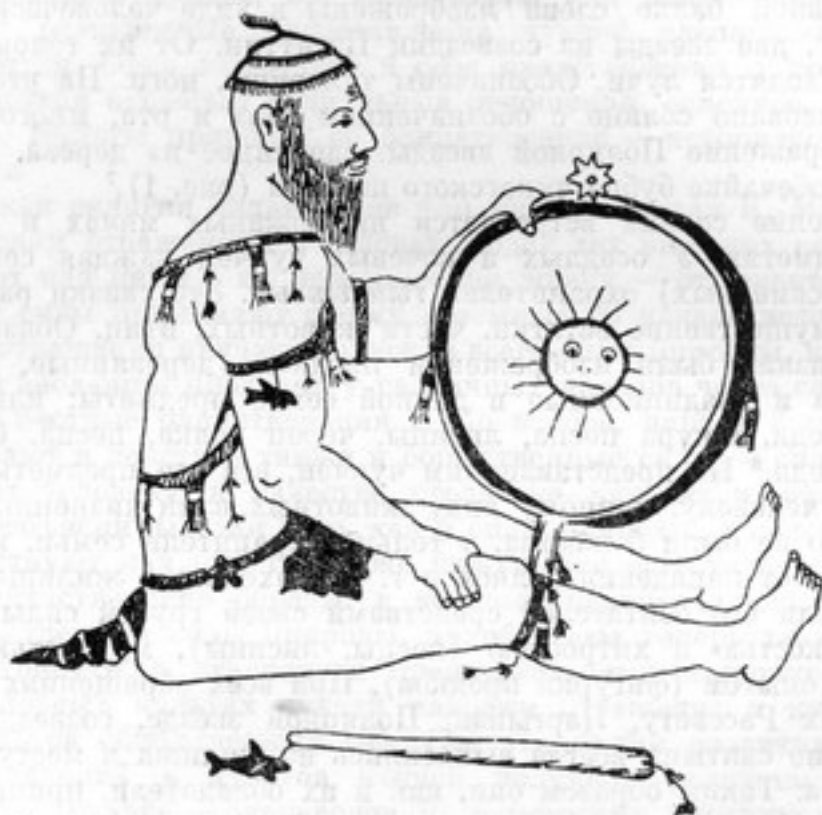

Рис. 1. Изображение чукотского шамана с бубном.

вида камень, кусок дерева, решали, что данный предмет может быть фетишем. Иллюзорное воображение наделяло черепа, шкуры животных, клювы птиц силами и свойствами, присущими этим видам животных, птиц. Камни, куски дерева, остатки одежды, ремни отождествлялись с людьми, предками. Все эти предметы-фетиши из связок семейных охранителей должны были защищать их владельцев, служить им, выполнять их просьбы и поручения. Поскольку человек сам создавал такие фетиши, обращение с ними было довольно свободное. Тех из них, которые, по мнению хозяина, не выполняли его просьб, не служили ему, просто выбрасывали как ненужную вещь и заменяли новыми, также созданными руками того же человека.

Со всеми культовыми объектами у чукчей, а равно и коряков, существовали определенные формы связей и расчетов. Они были просты, взяты из жизненной практики людей. И олицетворяемые объекты природы и предки никаких услуг, никакой помощи безвозмездно не оказывали людям. За все нужно было платить кровавыми или бескровными жертвоприношениями либо угощать пищей. Поскольку (в конечном счете) все сверхъестественные существа были человекоподобны, им свойственно было все людское. Их желания всегда соответствовали желаниям людей: получить хорошего жирного оленя, хороший предмет.

Эти отношения между чукчами и их «божествами» весьма напоминают своего рода договор с божествами, детально разработанный в сакральном праве римлян: *do ut des* — «даю, чтобы ты дал». Такой же принцип последовательно соблюдался чукчами во всех случаях их обращения к культовым объектам, хотя уровень расплаты не был одинаковым. Только «божествам» природы приносились кровавые жертвы, тогда как все остальные, в том числе и предки-покровители, довольствовались угощениями. Такие связи отражали сложившуюся практику отношений между людьми в жизни. Всякое получение какого-либо предмета должно быть оплачено.

И в мифах, и в религиозной практике чукчей первостепенное значение имел культ Наргынэн (Природы, Окружающей среды, Наружного пространства) и проявлявшихся в ней стихий, которые создавали непреодолимые обычными жизненными трудовыми способами трудности в добывании средств к существованию. Наргынэн были подведомственны все явления природы: туман, дождь и снег, ветер, пурга и т. п. В то же время к Наргынэн обращались за помощью и в других, как правило критических, случаях жизни. Просить ее защиты, помощи мог каждый человек непосредственно. Наргынэн отзывчива на просьбы людей, но требовательна к исполнению их обещаний. Поэтому никакой обман человека не оставался безнаказанным. Так, Наргынэн помогла отыскать убийцу,⁹ дала заговор для приручения дикого оленя,¹⁰ простила и не гневалась на старика за отказ от ранее принятого и выраженного вслух решения принять добровольную смерть.¹¹ Но Наргынэн унесла к «верхним людям» чукчу за то, что его отец, утоная, обещал за спасение дать ей (Наргынэн) «пестрого кита» и не дал.¹² Всякие просьбы к ней обязательно должны сопровождаться определенными обещаниями. Если просьба не будет исполнена, значит Наргынэн не была удовлетворена обещанным. Так объясняли себе чукчи неудачу в каком-либо деле, когда они призывали на помощь Наргынэн и желаемое не исполнялось. Пять братьев со своими случайными подругами из-за неосторожности одного из них, выпустившего из мяча ветер, были подняты на воздух вместе с жилищем. Обратились к Наргынэн, пообещали дикого оленя — ветер усилился; пообещали моржа — ветер подул еще сильнее; пообещали лахтак, затем передовую собаку, наконец упряжку собак, но ветер дул еще сильнее. И только когда пообещали байдару, ветер стих.¹³ Этот пример из фольклора как бы оправдывает возможность невыполнения Наргынэн просьбы человека. Нужно угадать, что ее удовлетворит, и только тогда можно рассчитывать на помощь.

Не менее важным считался культ Тҕагыргын — Рассвета и других сторон света, или «направлений», как их называл В. Г. Богораз. Культ сторон света был наиболее широко развит в религиозной практике чукчей. Любое наружное жертвоприношение непременно сопровождалось угощением (кормлением) Востока (Рассвета), Юга (Полдня), Запада (Предвечерних сумерек) и Севера (Тьмы). При этом предполагалось, что первые три — Рассвет, Полдень и Предвечерние сумерки — стороны добрых, благожелательных к человеку существ, тогда как Тьма — сторона мрака и холода, обиталище злых существ (кэльэт). Все эти существа повсюду и повседневно сопровождают человека. Поэтому умило-

⁹ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900, с. 20.

¹⁰ Там же, с. 143.

¹¹ Там же, с. 56.

¹² Там же, с. 272.

¹³ Там же, с. 275.

ствление их совершенно необходимо, и всех в равной мере, чтобы не вызвать с их стороны обиды, а затем и гнева. Такое отношение к существам стран света опять-таки вытекало из жизненных традиций чукчей. По нормам чукотской этики, нельзя было дать одному человеку, например, часть добычи и не дать совершенно другому. Уместно заметить, что положение В. Г. Богораза, будто среди прочих благожелательных к человеку существ наиболее заметными являются «благосклонные духи», которые живут по всем направлениям и олицетворяют собою эти «направления»,¹⁴ подтверждается лишь частично. Дело в том, что в северной стороне нет добродетельных к человеку существ. Эта сторона, как уже отмечалось, — обиталище кэльэт. Однако при всех жертвоприношениях не забывалось и это «направление», чтобы не обидеть и не вызвать возмущения кэльэт и не навлечь таким образом на себя их излишнее внимание и месть.

Идея культа стран света всегда остается одной и той же — предупредительно-благодарственной, умиловительной. Такой характер этой идеи определялся представлением, будто в указанных сторонах обитали существа, от которых зависело появление утренней зари, дневного света и тепла, а также их исчезновение на ночь. И все же предпочтение среди этих существ отдавалось Рассвету. С него начинались все приношения и угощения «направлений». «После обычного жертвоприношения Рассвету, — отмечал В. Г. Богораз, — чукча брызгает несколько капель жертвенной крови по четырем главным „направлениям“».¹⁵

В представлениях чукчей о существах «направлений», их месте обитания, функциях не было единообразия взглядов. Так, сторона Тьмы (Выскывыс), по мнению некоторых чукчей, совпадала с Надиром (*ногаскывагыргын* — «земляное существо», «бытие»), и поэтому угощения Севера, Тьмы толковались как приношения земле.¹⁶ Рассвет вместе с Зенитом и Полднем часто отождествлялись с «Творцом», и поэтому жертвоприношения предназначались вообще всем благодетельным существам — «Творцу», Вселенной (Природе), Рассвету, разным вагыргыт.¹⁷ Принадлежавшие оленеводы рассматривали все «направления» как равноправные, заслуживающие одинакового внимания при жертвоприношениях. При этом считалось, что приношения, адресуемые Рассвету, Полдню, Сумеркам, носят благодарственный характер, таково их назначение всегда, а Тьме (Северу) они давались в целях задабривания, предупреждения злых дел. Видимо, потому, что Рассвет часто отождествлялся с «Творцом» (что обнаруживается в приводимых ниже примерах), ему предназначались не просто благодарственные регулярные жертвоприношения, но и специальные, связанные с исполнением им определенных просьб людей. Например, приготовив средство для уничтожения волка (свернутая в клубок обоюдоострая узкая полоска китового уса, залитая жиром и замороженная), чукча бросает в сторону Рассвета кусочки прямой кишки тюленя, как бы подсказывая, куда должен быть направлен проглоченный волком сверток китового уса, где он должен распрямиться и убить свою жертву.

Человек женился на женщине белых медведей. Ее и детей увели в свою страну братья женщины, белые медведи. Муж отправился на их поиски. Попал к Рассвету, тот помог, но за оказанную услугу потребовал плату.¹⁸

¹⁴ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 21.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 29, 41.

¹⁸ Bogoras W. Chukchee Mythology. Leiden—New York, 1910, p. 115—116.

В связи с установкой постоянного зимнего жилища оленеводов производился забой оленей, сопровождавшийся жертвоприношениями. Обычно двух оленей приносили в жертву Рассвету¹⁹ для его благорасположения к стаду в зимний период. По случаю успешного завершения охоты на диких оленей закалывали двух домашних: «одного в жертву диким оленьим быкам», другого — Тягыргыну (Рассвету).²⁰ Особенно убедительно выглядит покровительство Рассвета охотничьему промыслу на чукотском рисунке, изображающем устройство Вселенной (рис. 2).²¹

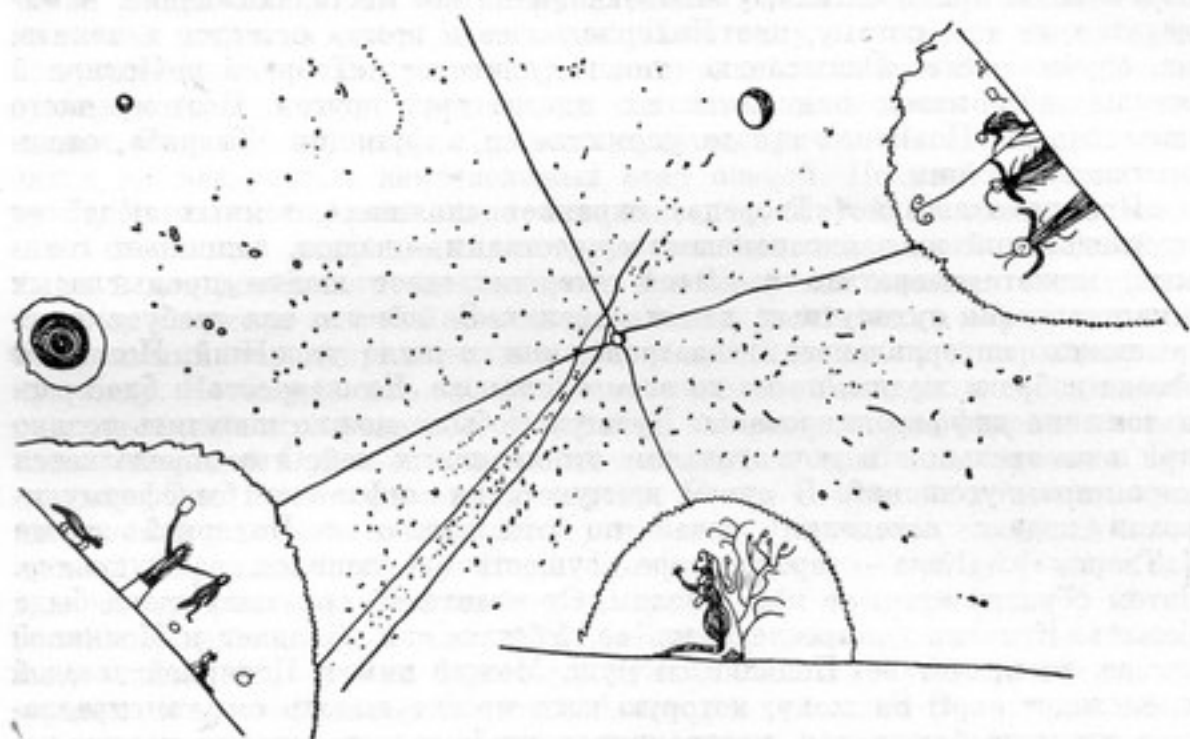

Рис. 2. Изображение Полярной звезды и Рассвета по чукотским рисункам.

В центре изображена Полярная звезда, ее пересекают две взаимно перпендикулярные линии. На конце одной из них, внизу слева, находится Рассвет у подножия большой горы; изображен он в виде человека с сиянием вокруг головы. В левой руке он держит жертвенное корытце, а в правой — лисицу, предназначенную человеку взамен жертвы. Слева подходит другая лисица, а справа сидит собака, принесенная в жертву Рассвету. При состязании со своими соперниками Рассвет выпускает двух белых медведей, ведь он является как бы распорядителем промысловых животных.

Добродетельные свойства Рассвета использовали не только для того, чтобы он помогал находить добычу, но рассчитывали с его помощью исцелиться от болезни. Поэтому он фигурирует в заговорах,²² направленных на излечение болезней.

Звезды и комбинации звезд, которые можно было бы назвать чукотскими созвездиями, также принадлежат к существам, покровительствующим людям в их благих делах. Особого внимания заслуживает Полярная звезда, имеющая несколько вариантов описательных названий: Илюкэцэр — «Неподвижная звезда», Ылэпэцэр — «Гвоздь-звезда» или

¹⁹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 77.

²⁰ Там же, с. 80.

²¹ Там же, с. 26, рис. 19.

²² Там же, с. 137.

Унпээр — «Воткнутый кол звезда». Положение Полярной звезды совпадает с положением Зенита (Гыпонканон). Здесь и находится воображаемое жилище Полярной звезды — яранга. Полярная звезда видна во всех трех сферах (мирах) и светится сквозь отверстие в небе. Через него можно проникнуть в верхний мир. Она является местом пребывания Тэнантомгын («Творца»)²³. Чукчи сознают, что Тэнантомгын и Полярная звезда — как бы одно и то же. Они мыслят всегда их вместе, нераздельно. Полярная звезда является постоянным местом обитания «Творца». Она — знак, яркий сигнал, указывающий на его местонахождение. А находится он там потому, что Полярная звезда всегда остается в зените, на одном месте. Осмысление такого единства «Творца» и Полярной звезды дает повод подменять их иногда друг другом. Поэтому часто кажется, что Полярная звезда выполняет в функции «Творца», отождествляется с ним.

Полярная звезда («Творец») охраняет «нижних», земных людей от преследований их злокозненными существами — кэльэт, защищает гонимых, может возвратить к жизни умерших, дает людям промысловых животных, как сухопутных, так и морских. За все это она требует определенного материального вознаграждения в виде угощений. Полярная звезда добра к людям, но не ко всем одинаково. Ее щедрость и благорасположение дифференцированы. Лучшую добычу можно получить только при внимательном и почтительном отношении к ней, что определяется характером угощений. В одном из чукотских мифов как бы сформулирован кодекс поведения людей по отношению к Полярной звезде («Творцу»). Кэле — «вредоносное существо» — женился на чукчанке. Затем обратно отвез ее к родителям. От родителей она вынуждена была бежать. Кэле начал преследовать ее. Убегая, она попадает к Полярной звезде, та прячет ее. Появляется муж. Между ним и Полярной звездой происходит торг. За жену, которую кэле просит выдать ему, он предлагает вкусные блюда для жертвоприношений, секрет делания порчи, каменное жилище, возможность управлять и распоряжаться зверями. Отклонив все эти предложения, Полярная звезда говорит: «Я сама и есть „жизненное бытие“ зверей. Их я даю нижнему народу». Тогда кэле предложил заговор для скрадывания людей. Отвергая и это предложение, она сказала кэле: «Я нижних (т. е. земных) людей охраняю, от кэле спасаю, возвращаю им жизнь», и поэтому «скрадывать, охотиться на них мне не нужно».²⁴ И далее: Полярная звезда (она же Тэнантомгын — «Творец») показала преследуемой женщине вместилища с разными животными, которые водятся на суше и в море. «Вот нерпы и лахтаки, — говорит Полярная звезда, — их я даю тем, кто плохо угощает (кормит) меня. Белух же даю только тем, у кого блюдо с жертвенной пищей обнюхали собаки. Моржей даю тем людям, которые приносят жертвы предкам (таароңъянвэты)». Показывая вместилища с разными животными, Полярная звезда открыла такое, в котором находились сиводушки: «Их я даю тем, у кого чистая жертвенная посуда». Еще одно открыла: «Там чернобурые лисицы. Их я даю тем, кто сделает новые жертвенные корыта». Белок Полярная звезда давала всем, зайцев — голодающим, диких оленей — всем беднякам, волков — тем, кто делает обшивку капюшона,²⁵ — рукодельницам.

В связи с такими широкими, жизненно важными благотворительными функциями Полярная звезда («Творец») рассматривалась чукчами как

²³ Богораз В. Г. Материалы..., с. 5.

²⁴ Bogoras W. Chukchee Mythology, p. 91—93.

²⁵ Там же, с. 95—96.

вагыргын — жизнедающее, жизнеподдерживающее бытие (существо), всегда благосклонное к людям, опекающее и защищающее их. К нему мог непосредственно обратиться каждый чукча.

К числу общих для всех чукчей объектов культа принадлежало и особое созвездие Пэгиттин (звезды Алтаир и Тараред из созвездия Орла).²⁶ Культ этого созвездия опирался на представление, будто появление на небосводе названных звезд во время зимнего солнцестояния приводит свет, солнце, а за ними тепло, постепенное оживление в природе, облегчение в промыслах. В этот период дикие олени меняли направление движения с юга на север. Поклонение Пэгиттину отмечалось жертвоприношениями только один раз в году, а затем о нем как бы забывали до следующего зимнего солнцестояния, до появления на небосклоне этого созвездия. Видимо, это один из древних культов чукчей. Пэгиттин представлялся им владельцем неисчислимых стад оленей. По всей вероятности, культ Пэгиттин первоначально был связан с охотой на диких оленей, с их сезонными миграциями, которые оказывались далеко не безобидными и для домашнего оленеводства. Это Пэгиттин насылал свои стада, которые увлекали за собой домашних оленей, делая таким образом людей безоленными. Предупредительное отношение к нему предотвращало такую беду. Необходимость культа Пэгиттин давно была установлена воображением далеких предков. О Пэгиттине упоминали две неяркие звезды около созвездия Орла — это важенька с теленком, приближающиеся к Пэгиттину. Они принесены ему в жертву. Почти полное исчезновение диких оленей на Чукотке (в XIX в.) привело к сужению значения этого культа. Вероятно, поэтому В. Г. Богораз отметил, что ему мало что удалось выяснить о представлениях чукчей об этом созвездии.²⁷ Интересны наблюдения Г. У. Свердрупа. «Звездам поклоняются только олениные, — писал он, — но не береговые чукчи. Оленные чукчи ежегодно совершают жертвоприношение звезде Алтаир, в созвездии Орла, колымские же чукчи чтут еще одну или две другие звезды, но все же оленные чукчи в один голос утверждают, что звезды — не их боги, а боги оленей».²⁸ Это замечание подтверждает связь культа Пэгиттин в первую очередь с охотой на оленей (в прошлом) и позднее с оленеводством. В отличие от Г. У. Свердрупа, В. Г. Богораз писал, что большинство приморских чукчей в середине зимы приносит жертвы созвездию Пэгиттин.²⁹ По нашим наблюдениям, делали это только те патриархально-семейные общины, отдельные семьи оседлых чукчей, которые еще не потеряли связи с оленеводством.

Солнце и луна в религиозном сознании чукчей не были объектами всеобщего определенного культа, по крайней мере в конце XIX в. Сведения о культовом отношении к этим светилам довольно разноречивы. Неопределенны они и у В. Г. Богораза. Объясняется это, видимо, тем, что у разных территориальных групп чукчей в XIX—начале XX в. представления о сверхъестественных свойствах солнца и луны не были связаны с идеями прямой зависимости жизни и благополучия людей от этих светил. Вместе с тем бытовало представление о том, что солнце — благожелательное существо, луна, наоборот, — светило мрака, страны кэле.³⁰

²⁶ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 24.

²⁷ Там же.

²⁸ Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930, с. 322.

²⁹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 84, 99.

³⁰ Богораз В. Г. Материалы..., с. XIII; Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 22—23.

И в то же время луна — ночное светило, которое всегда ожидали и приветствовали люди, особенно оленеводы (пастухи).

Отсутствие культа солнца объясняется, возможно, тем, что Рассвет (Утренняя заря) считался у чукчей отдельным, независимым от солнца существом. Рассвет приводил солнце. В этом случае причинно-следственная зависимость и последовательность связи рассвета с солнцем объяснялись непосредственным восприятием: сначала рассвет, а затем солнце. Поэтому и культ был не солнца, а рассвета. Г. Майдель получил на этот счет довольно определенные разъяснения чукчей. «Они все чтут, — писал он, — доброго духа, который, по их верованиям, живет на солнце. Чукчи решительно уверяли, что они молятся не самому солнцу, а поклоняются живущему на нем доброму духу, потому что от солнца исходит все хорошее — свет и тепло».³¹ Наблюдая за жертвоприношениями чукчей, Майдель заметил, что они всегда обращаются лицом к востоку и все приношения «направлениям» начинают со стороны Рассвета.

Довольно точно подметил отношение чукчей к солнцу Ф. Августинович: «Чукчи поклоняются солнцу, но никогда не молятся и не исполняют никаких религиозных обрядов».³² И другие авторы работ о чукчах второй половины XIX—начала XX в. не дают более определенных сведений о культовом отношении к солнцу, нет их и в работах В. Г. Богораза. Ни у кочевых, ни у оседлых чукчей я также не встретил никаких признаков прямого, непосредственного культа солнца. Вместе с тем следует признать, что солнцу все же придавалось чукчами какое-то культовое значение. Его изображение встречается на шаманских бубнах³³ и других предметах: на спинном открылке деревянной части чукотского панциря, обтянутого моржовой кожей,³⁴ на праздничных рисунках, которыми покрывали перекладыны внутренней части полуподземных жилищ чукчей.³⁵

На рисунке, выполненном Л. Ворониным, на средней балке из челюсти кита, в правой стороне, нарисовано солнце — так же, как на шаманских бубнах: с обозначением глаз, носа и рта. Возможно, круглые кожаные нашивки на женских кибитках кочевых чукчей,³⁶ а также и на мячах³⁷ изображали солнце. Это сходство увеличивается благодаря обрамлению кругов узкими меховыми полосами (обычно с длинным волосом), напоминающими расходящиеся лучи. Однако утверждать, что это изображения солнца, нет достаточных оснований, так как на них нет обозначений признаков лица человека. Внутри эти круги орнаментированы и на них нашиты ремешки с кисточками (на кругах женских кибиток). Кроме того, изображение на бубне, панцире и балке жилища называется *тиркытир* — «солнце», тогда как изображения кругов на кибитке, на мячах, на одежде, татуировка в виде кругов носят названия, не имеющие отношения к солнцу. То же следует сказать относительно кожаных круглых нашив-

³¹ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894, ч. I, с. 518.

³² Августинович Ф. Три года в Северо-Восточной Сибири за Полярным кругом. — Древняя и новая Россия (ежемесячный исторический журнал), XVIII, 12, СПб., 1880, с. 727.

³³ Лавров И. П. Рисунки Ойно, с. 123.

³⁴ Bogoras W. The Chukchee. Material culture. Leiden—New York, 1904, p. 163; Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири. — Сибирский этнографический сборник, II. М.—Л., 1957, с. 241, 243, 244.

³⁵ Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время, с. 97 (вклейка); Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству, с. 421.

³⁶ Bogoras W. The Chukchee, p. 92, tabl. XXI.

³⁷ Там же, с. 274; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству, с. 447.

ных или подвесных амулетов (рис. 3),³⁸ также отороченных вокруг узкой полоской пышного, с длинным ворсом меха, и они никогда не называются солнцем. Таким образом, собственно культа солнца у чукчей не было. Иным, более определенным, было отношение к луне, — впрочем, также не лишенное некоторых противоречий. С одной стороны, луна считалась ночным светилом (*ныкикин тиркытир* — «ночное солнце», *уирэжэв тиркытир* — «второе солнце»), появления которого ожидали оленеводы, особенно пастухи. Свет луны помогал им переносить тяготы одиночества в длинные осенние и зимние ночи, помогал уберечь стадо от нападения хищников. И, вероятно, поэтому каждое новолуние (осенне-зимнего периода) оленеводы встречали жертвоприношениями (кормлением), как бы

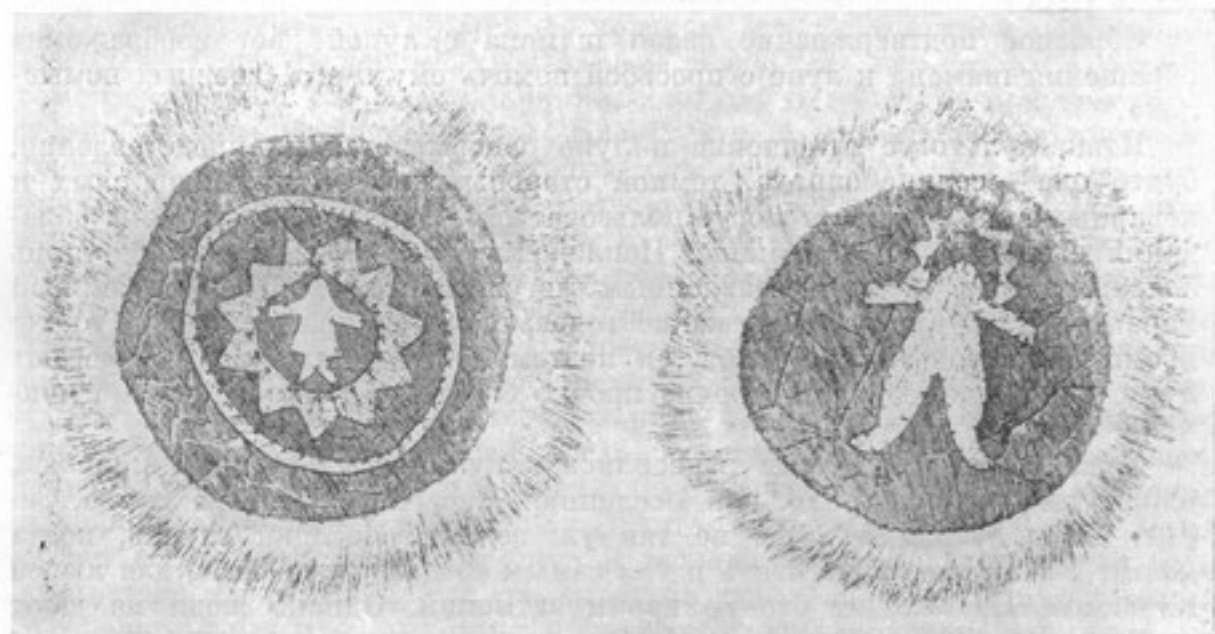

Рис. 3. Амулеты — кожаные кружки с изображением «защитника».

приветствуя появление луны. При этом приношения делались только тогда, когда увидят луну, даже через несколько дней после новолуния (при пасмурной погоде). Этим подчеркивается предупредительно-благодарственный характер кормления луны — только за то, что она светит. С другой стороны, она считалась существом неблагожелательным к людям. На чукотском рисунке, опубликованном В. Г. Богоразом, луна изображена в виде человека, державшего в руках аркан, а около нее два пойманных ею человека.³⁹ Обычно люди не обращались к ней с просьбами о помощи, не искали у нее поддержки. Правда, известны случаи обращения чукчей с жертвоприношениями к луне — в надежде, что этим можно предотвратить покушение на их благополучие со стороны кэльэ. Исполнялись такие жертвоприношения вечером и по возможности втайне от соседей. Делали это и оленные,⁴⁰ и приморские чукчи.⁴¹ Однако среди чукчей бытовали также другие представления и отношение к луне. В этом случае мы снова сталкиваемся с неопределенностью, противоречивостью и многогранностью представлений чукчей. В одном из устных повествований рассказывается, что сын шамана Тайпата оказался на луне, и не

³⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 143, рис. 92.

³⁹ Там же, с. 26 и 28.

⁴⁰ Там же, с. 78.

⁴¹ Там же, с. 88.

просто, а превратился в существо, которому нужно приносить жертвы (таароцвагырго). И такого рода приношения следует делать, бросая в сторону луны ремни, туши убитых диких животных, а также кровь.⁴² Так как луна — человек, обладающий арканом, «ему в жертву приносят куски ремня».⁴³

Если к луне предупредительно, осторожно относились рядовые охотники и оленеводы, то шаманы находились с ней в «прямых связях» и получали от нее поддержку, особенно в своих коварных замыслах. Они обращались к ней, чтобы с ее помощью направить бедствие на кого-нибудь из своих противников. Поэтому обращение к луне происходило во время камлания, обязательно в ясную лунную ночь и на открытом воздухе. Такого рода камлание мне довелось наблюдать в Чукотском районе еще в 1933 г.

Образное подтверждение связи шамана с луной дает изображение обращения шамана к луне с просьбой помочь ему в его «гневных помыслах».⁴⁴

Итак, культовое отношение к луне основывается на представлении, будто она — солнце запада, темной стороны, кэле, прибежище злых и коварных сил, которыми могут пользоваться люди, знающие тайны обладания злыми чарами, шаманы. Поклонение луне поддерживается лишь боязнью перед ее злонаправленным могуществом, носит нерегулярный характер и не входит ни в какие годовые циклы праздников. В то же время люди рады ей, ее свету, и поэтому они защищают и оберегают луну. Это странное противоречие прочно бытовало в мировоззрении чукчей.

Луна и отчасти солнце относились к культовым объектам природы, однако не столь мощным, как Вселенная, Рассвет, Полярная звезда, Зенит. Силы солнца и луны не так уж велики. Нередки случаи, когда кэльэт пытаются их похитить и тем самым создать неудобства для людей на земле. Происходит это во время затмений. Однако люди не дают кэльэт похитить свои светила. Они защищают с одинаковым усердием и солнце и луну, причем всегда успешно. В таких случаях все жители селения, стойбища, от мала до велика, вооружались кто бубном, кто тазами, сковородками, всем тем, из чего можно было извлекать резкие и сильные звуки. Чем они были громче и многообразнее, тем лучше. Чем настойчивее и энергичнее было такое шумовое наступление на «похитителей» луны и солнца, тем вернее и скорее приходила победа. Кэльэт вообще боятся шума, боятся звуков бубна, а от такого коллективного грома они бежали и отказывались от затеянного против людей дела. Не потому ли не очень определенно культовое отношение к этим светилам?

Хозяйственно-производственная деятельность, жизнь и быт чукчей в их повседневной практике были теснейшим образом связаны с природой, зависели от нее. Эта зависимость проявлялась в оленеводстве, в сухопутном и морском промыслах, даже в собирании растений, употреблявшихся в пищу. Такая зависимость была настолько постоянной, что люди ощущали ее во все сезоны года. Чтобы добыть зверя на суше и тем более на море (при имевшихся у них орудиях и средствах охоты), необходимо было определенное сочетание благоприятных условий. Например, при сухопутной охоте — встречный ветер, сухая погода. При охоте на море — лишь слабое волнение, хорошая видимость, благоприятный ветер, спокойное поведение моржей, китов и т. п. В наименьшей зависимости от

⁴² Bogoras W. Chukchee Mythology, p. 41.

⁴³ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 23.

⁴⁴ Там же, с. 130.

стихий природы находились и оленеводы. Им нужен был спокойный выпас оленей, благополучное проведение перекочевок с зимних пастбищ на летние и обратно, нужно было получить максимальный приплод, уберечь оленей от нападения волков, пагубной гололедицы, избежать знойного лета — спутника копытных заболеваний оленей, и т. п. А сколько нужно было проявить исключительной выносливости, беспредельного терпения, энергии, чтобы не растерять оленей во время жестоких и продолжительных зимних метелей и пург. Чтобы избежать бедственных последствий от такого рода явлений, только человеческих усилий, как полагали чукчи, было недостаточно. Они считали, что постоянно находятся под воздействием стихий, с которыми нужно вести бесконечную борьбу, то упрощать их, умилоостивлять, то наказывать или страшить.

Благополучие стада, успех в морском или сухопутном промысле, удачный сбор съедобных растений — результат не столько усилий самого человека, его опыта, знаний, сколько содействия, благорасположения внешних невидимых сил. Необходимо было заручиться покровительством тех существ, от которых зависело послать или не послать промысловых животных, предотвратить бурю, шторм на море или дать им разразиться. Прямая и постоянная зависимость от природы при добывании средств к существованию породила представления о хозяевах мест, хозяевах животных, могущественных владетелях морской фауны, хозяевах промысловых угодий в реках, озерах. Такие представления бытовали параллельно с представлениями, о которых сообщалось выше («Творец», Рассвет, Вселенная, Полярная звезда и др.). Однако какой-либо определенной, устойчивой связи, зависимости хозяев промысловых животных, рыб, морских млекопитающих от существ высшего порядка, находящихся на небе («Творца», Зенита, Полярной звезды), от Наргынгэн (Вселенной, Природы) нет. В религиозном сознании чукчей, видимо, еще не сложились и не определились тенденции к монотеизму. Их религиозные представления и культы отражали политеизм одной из ранних форм, характерной чертой которого было многообразие, самостоятельность, обособленность и независимость «божеств» («существ») друг от друга. У чукчей и коряков бытовали две параллельные линии представлений о «божествах». С одной стороны, это высшие существа, создававшие промысловых животных, птиц, флору, и с другой — хозяева отдельных видов животных, сухопутных, морских, которые как бы занимались только распределением этих благ между людьми. Все это были так называемые *таароуьёваыргыт*, т. е. «существа», «бытия», требующие от людей жертвоприношений взамен благодеяний, проявления благорасположения этих существ к людям.

Выражение культов природы, промысловых культов обнаруживается прежде всего у охотников, так как они ощущали зависимость от природы особенно остро. Поэтому они искали средства и способы воздействовать на природу, склонить ее на свою сторону, в какой-то мере подчинить, — во всяком случае те ее явления, которые обеспечивали человеку жизнь, благополучие. Отсюда у оседлых чукчей сформировалось одно отношение к морским промысловым животным, а у чукчей оленеводов — другое.

В общем промысловые культы были более развиты у оседлых чукчей, чем у оленеводов. Об этом убедительно свидетельствует многочисленный пантеон морских зверобоев. Не объясняется ли это тем, что зависимость человека от природы больше там, где он живет только за счет успехов охоты, и значительно меньше, где человек сам уже может управлять источником своего существования, например стадом домашних оленей? В этой связи представляются справедливыми и вполне приложимыми

к нашему случаю выводы Б. Малиновского, изучавшего магические приемы жителей Тробриантовых островов. «Магия, — писал он, — пускается в ход в тех отраслях хозяйства, где значительную роль играет случай, удача, где велик простор как для надежды, так и для неуверенности, как для радости, так и для страха. Там же, где условия хозяйственной деятельности устойчивы и надежны, где применяются испытанные рациональные методы труда, где техника подвести не может, там нет места для магии».⁴⁵

Для приморских зверобоев постоянным объектом культа было море. Для оленеводов культ моря проявлялся лишь в тех случаях, когда им приходилось проводить лето на берегу моря и заниматься морским промыслом. Море давало морским зверобоям все необходимые средства к жизни, было единственным источником их существования. В его глубинах жила Седовласая старушка (*Лыпаятынныуавхай*) — владычица моря, обладательница всех живых существ, которые водятся в нем. При обращениях к ней ее называли Ыныңэвкэй — Старушка. Гребни волн разбушевавшегося моря во время сильного ветра — это волосы старухи, шторм — выражение недовольства поведением людей. Вообще она отождествлялась с самим морем. Поэтому она присутствовала везде, где есть воды моря. И в этом случае мы сталкиваемся с весьма неопределенным, алогичным и противоречивым представлением, распространенным не только среди оседлых чукчей, но и среди оленеводов, особенно побережья Берингова моря южнее устья Анадыря. Это обстоятельство, однако, не умаляет первостепенного значения культа моря среди вообще всех оседлых чукчей, живших на берегу. Оленеводы, которые в течение всего года кочевали вдали от моря и непосредственно не соприкасались с ним, относились с пониманием к его культу оседлых чукчей. Пользуясь продуктами морского зверобойного промысла, поступавшими к ним в порядке обмена, они сознавали, что это дары морской владычицы, которыми она наделяла их приморских соплеменников. В. Г. Богораз отметил, что «могущественная морская старуха, представление о которой столь свойственно эскимосам», была также известна и чукчам, они якобы называли ее еще Моржовая мать. По своему внешнему облику она была похожа на моржа, во рту у нее было два клыка. Она владела всеми морскими зверями и жила на дне моря.⁴⁶ По всей видимости, эти идеи о старухе — хозяйке моря пришли к чукчам из пантеона эскимосов вместе с культурой морского зверобойного промысла и сопровождавшими ее религиозными представлениями. Соответствующее подтверждение этому будет дано несколько ниже.

В то же время у оседлых чукчей бытовал культ Кэрэткуна, которого они считали также владельцем всех морских зверей, особенно моржей. Ему посвящался специальный осенний «праздник» с соответствующими приношениями и обрядами.⁴⁷ На этот случай изготовлялось деревянное изображение Кэрэткуна в виде человеческой фигурки,⁴⁸ сжигавшейся после всех обрядов на костре или жировой лампе. У прикольмских чукчей, видимо, тот же Кэрэткун выступал под названием Морской хозяйин, но уже без личного имени, хотя он также имел образ человека, говорил и делал все, как чукчи.⁴⁹ Таким образом, в культе моря у чукчей прослеживается два начала представлений о его природе: одно — женское (Седо-

⁴⁵ Цитирую по ст.: Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. — ТИЭ, нов. серия, 1959, т. 51, с. 56.

⁴⁶ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 30.

⁴⁷ Там же, с. 31, 84.

⁴⁸ Там же, с. 93, рис. 80.

⁴⁹ Богораз В. Г. Материалы..., с. 413.

власая старушка), другое — мужское (Кэрэткун, Морской хозяин). В разных районах расселения чукчей предпочтение отдавалось культу одного из них. Так, Седовласая старушка почиталась у чукчей южнее Анадыря, тогда как культ Кэрэткуна был известен преимущественно на берегах Берингова пролива и на побережье Ледовитого океана. Расплывчатость представлений чукчей особенно сказалась на культах «божеств», от которых якобы зависел успех охоты на морских млекопитающих. Помимо культа Седовласой старушки (моря), Морского хозяина существовал культ Мэйңырѣв — Большого кита, считавшегося как бы самым главным среди всех морских млекопитающих. К нему обращались с просьбами о ниспослании удачи на морских промыслах вообще. В качестве жертвы он требовал свежее мясо морских зверей или лучшую собаку, которая забивалась на берегу моря, а ее кровью брызгали в сторону моря. Собаку клали головой к морю. При этом говорили: «Дарю тебе хорошую ездовую собаку, а ты взамен дай мне удачу на промысле морских зверей». Помимо Мэйңырѣв, были «матери» промысловых видов морских млекопитающих: *ытлярыркы* — «моржовая мать», *ытлаунѣл* — «лахтажья мать», *ытламыл* — «тюленья мать». Перед началом промыслового сезона каждый охотник приносил в жертву свежее мясо или что-нибудь из обычных продуктов питания, иногда собаку. При этом обращение адресовалось определенной «матери», чтобы добыть соответствующий вид морских млекопитающих.

Идеи культа моря сложились в эскимосской среде. Однако у них он проявлялся главным образом в виде почитания Большой женщины. Лишь очень немногие семьи эскимосов района сел. Чаплина и о-ва Лаврентия почитали Кэрэткуна (Качака по-эскимосски).⁵⁰ В свою очередь некоторые эскимосские элементы культа моря встречаются лишь у чукчей, которые жили в долине Анадыря и южнее его, а также у их тамошних соседей: кэрэков и коряков. Седовласую старушку здесь почитали не только оседлые, но и чукчи-оленоводы, проводившие лето на берегу моря и занимавшиеся морским зверобойным промыслом и рыболовством. Подкочевав к берегу моря, они забивали белого оленя Седовласой старушке, хозяйке моря, с тем чтобы она оделила их морскими животными и рыбой. Это называлось *аукажаанмат* — «убивать оленя морю».

В представлениях чукчей до недавнего времени можно было заметить отголоски глубокой древности, проявлявшиеся в культовом отношении к оружию. И это естественно, так как охота для них в не очень далеком прошлом служила главным источником существования. Убойная сила оружия приписывалась проявлению волевых свойств, якобы заложенных в нем, а не умению, силе и ловкости охотника. Поэтому оружие должно было получить свою долю от промысла и соответствующее внимание со стороны его владельца. У чукчей существовал так называемый *пойгымѣгыргын* — «благодарственное служение, посвященное копыю». Устраивался *пойгымѣгыргын* после удачной охоты на крупного зверя (медведя, дикого оленя, моржа) или после победы над врагом. При этом пелись песни-импровизации, восхвалявшие силу копыя, воспевавшие ловкость его владельца. Это торжество сопровождалось пляской-пантомимой с копьём около яранги. Если был добыт зверь, даже заяц или куропатка, при помощи огнестрельного оружия или лука со стрелой, полагалось кровью добычи смазать выходное отверстие дула ружья или наконечник стрелы, чтобы они не теряли своих убойных свойств. Чукча К. говорил мне: когда ему было 7 лет, он убил куропатку из

⁵⁰ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 95.

мелкокалиберного ружья, мать побудила его смазать дуло кровью куропатки. В 17 лет он убил первого медведя, и старший брат заставил смазать кровью медведя дуло ружья. Все это делалось, чтобы ружье и впредь приносило удачу. В соответствии с представлением о том, что всякое место на земле, каждый промысловый участок на ней, в лесу, на реке, на озере, отдельная гора имеют своего владельца, хозяина, требовалось подчеркнуто внимательное отношение к ним, чтобы не вызвать их гнева, не претерпеть лишений или каких-либо других, более суровых наказаний. Чукча всегда находился как бы в положении зависимого от окружающей природы и поэтому должен был быть всегда готовым искать расположения к себе. Так, в каждом селении оседлых чукчей был хозяин данного места. Он находился в непосредственных связях с главой семьи, предки которого основали это селение (*авыинутэлын* — «главный, исконный житель приморского поселка»). Все остальные патриархально-семейные общины, поселившиеся здесь позднее, признавали над собой покровительство данной семьи «благодаря ее близости к „духам“ данного места».⁵¹ Чукотский эрым Амраургын по прибытии с Анюя на Анадырь неожиданно заболел. Однако «в ночь, когда больному было особенно плохо, — писал Г. Майдель, — волки утащили у Амраургына несколько оленей и в том числе одного из его знаменитых бегунов. Опечаленный пастух пришел заявить об этом Амраургыну, когда опасность (болезни, — И. В.) уже прошла: он ждал упреков. Но Амраургын принял известие очень благосклонно, а мне сказал, что этим он уплатил дань духу этих мест и теперь может быть спокоен: последний требовал жертвы, которая ему полагалась, он же охотно откупился своими бегунами за свою жизнь и здоровье».⁵² Даже место, на которое должны были положить покойника, также имело своего хозяина, которого требовалось отблагодарить.⁵³ Имелись хозяева озер *гытгыэтын*,⁵⁴ иногда называемые *гытгыкамак*.⁵⁵ Перед тем как начать ловить рыбу в озере, нужно было принести хоть незначительные подаяния его хозяину. Хозяева рек заслуживали особого внимания и со стороны бедных оленеводов, которые запасали рыбу впрок на зиму. Остановившись весной на берегу реки, они кололи оленя, угощая ее хозяина кровью и мясом. Кости после освобождения их от мяса также бросали в реку. О культовом отношении чукчей к отдельным промысловым участкам, к горам, к ручьям, потокам образно рассказывается в соответствующих текстах, записанных в свое время В. Г. Богоразом.⁵⁶

С завершением отела яранги стойбища устанавливались на лето. Перед ярангой главы стойбища разводился небольшой костер, в него бросали маленькие кусочки разных продуктов — с просьбой, чтобы хозяин места был благосклонным к стаду и жителям стойбища, чтобы и олени и люди пребывали на этом месте в благополучии.

Существовало у чукчей и представление о хозяевах отдельных видов сухопутных животных: диких оленей (*Писвустын*), лисиц,⁵⁷ волков.⁵⁸ Однако определенное культовое отношение было лишь к хозяевам таких промысловых животных, добыча которых обеспечивала людей ощутимыми

⁵¹ Там же, с. 79, 85.

⁵² Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области..., т. I, с. 196—197.

⁵³ Богораз В. Г. Материалы..., с. 84.

⁵⁴ Там же, с. 125.

⁵⁵ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», т. II. Л., 1936, с. 224.

⁵⁶ Богораз В. Г. Материалы..., с. 383.

⁵⁷ Там же, с. 414.

⁵⁸ Там же.

запасами пищи, жира, шкурами, т. е. тем, что было крайне необходимо в их повседневной жизни. Чем крупнее было животное, тем с большими почестями встречали его добычу (кит, медведь, морж, дикий олень, россомаха, волк). И наоборот, добыча птиц, мелких животных (заяц, евражка, горноста́й) не отмечалась никак. В этом проявлялся известный прагматизм культов.

Культы хозяев мест, промысловых животных носили патриархально-общинный и семейный характер. Следы наглядных свидетельств таких культов еще не так давно можно было наблюдать на Чукотке. Подробнее об этом будет сказано ниже, где пойдет речь о формах и видах жертвоприношений.

Относительно культа огня, домашнего очага у В. Г. Богораза имеется всего лишь несколько строк и ряд попутных замечаний.⁵⁹ При этом не всегда ясно, о чем идет речь: не то о почитании собственно огня, не то об использовании его в качестве посредника.⁶⁰ При более детальном изучении культа огня у чукчей выяснились некоторые его особенности и тесная связь с другими культами. С ним сопричастны почти все культовые отправления. Кому бы ни предназначались жертвоприношения, кормления, — огонь очага, специально разведенный костер при этом используются непременно. Домашний очаг считался у чукчей самым благодетельным существом. Он давал тепло, свет, защищал людей от всех злокозненных существ, и поэтому отношение к нему было предупредительно-внимательным. Огонь очага охранял *авыиральын* — «главный в жилище», который находился в связке охранителей и изображал предка, старика. Не идет ли эта традиция из глубины веков, когда поддержание огня возлагалось на наиболее надежного, опытного члена коллектива, который, однако, не мог уже участвовать в охоте? Возможно, это один из реликтов своеобразного возрастного разделения труда, сложившегося в арктических условиях жизни.

Огонь очага, жирника (у оседлых жителей Чукотского полуострова) выполнял две культовые функции. С одной стороны, он сам был объектом культа, с другой — выступал в роли посредника между человеком и «высшими» существами («Творцом», Природой, предками), с которыми у людей не было непосредственных связей. Вероятно, в силу ослабления значения огня в культовой системе чукчей иногда невозможно решить, к какой из указанных функций относится то или иное отправление с участием огня костра. В мифах чукчей домашний очаг, костер не называется особым существом. Однако в сознании пожилых чукчей еще теплится представление, будто в огне есть скрытое существо в виде старика, способного оказывать людям некоторые услуги. В то же время он сам находился под особым покровительством, которое осуществлялось хранителем очага, имевшимся в связке домашних охранителей. Огонь очага требовал к себе внимания, его полагалось кормить, делать ему приношения продуктами (мясо, жир и др.) — *энанкаавык* («удовлетворить огонь»). Культовое отношение к огню проявлялось в результате многих причин. В нем видели прежде всего только благодетельные начала, крайне нужные людям. Огонь костра служил наилучшей защитой одинокого путника от кэльэт. Он же очищал людей, домашних оленей от всевозможных злых существ, болезней, которые могли присоединиться к ним или просто витать поблизости, когда олени и люди находились в отдалении от домашнего очага, теряли надолго с ним непосредственную связь (например, стадо во время летовки или кто-нибудь из членов семьи в да-

⁵⁹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 79, 99.

⁶⁰ Там же, с. 103.

леком путешествии). Возвращение стада с летних пастбищ встречалось огнем очага, в сторону приближавшихся оленей бросали горящие головни, прогоняли стадо между двух костров. Культ огня у чукчей, очевидно, несет в себе следы весьма древнего происхождения. Осенью при подготовке к встрече стада на куске дерна выносили огонь от очага яранги. На нем обжигали концы сделанных из прутьев ивы стрел. И, когда олени приближались, хозяин и его сыновья стреляли из луков по направлению к стаду. Вероятно, это одна из древнейших традиций упрочнения боевой части стрелы путем обжига и устрашения невидимых злых существ «сильным» оружием. В 1933 г. в Чаунской тундре я оказался на стойбище, хозяин которого ездил за товарами для развозного торга на Чаунскую факторию и возвратился оттуда при мне. По этому поводу перед его ярангой был разложен костер, убита собака и вынуты из нее тонкие кишки. Их растянули в виде большого кольца, помещенного перед костром. Всех присутствующих на стойбище, и в первую очередь прибывших, заставляли пройти через это кольцо и перешагнуть через костер. Кровью собаки был помазан с внешней стороны шатер яранги. Огонь костра и кишки собаки «очистили» присутствующих от «привезенных» издали вредоносных существ.

Всякий новый член семьи должен был быть приобщен к очагу данного жилища, что сопровождалось помазанием кровью жертвенного оленя и приношением очагу нескольких капель крови и кусочков пищи. Так обычно оформлялось бракосочетание и таким образом закреплялось присоединение к семейному очагу пришедшей в этот дом женщины.⁶¹ Особо ревностно охранялся огонь очага, на котором согревалась первая вода для обмывания новорожденного. Очаг этот считался священным, и, пока ребенок не подрастет, им не позволяют пользоваться чужому человеку.⁶² Так же строго охранялся домашний огонь, если в семье был больной.⁶³ К огню очага не разрешалось прикасаться посторонним, брать огонь и выносить его или ставить на него чужую посуду, не принадлежащую данной семье.⁶⁴ В. Г. Богораз писал: «...на многих стойбищах в районе реки Анюя, особенно в более отдаленных местностях района, мне не позволяли зажигать даже спичку во внутреннем пологе, боясь осквернить этим свое домашнее божество. Ни одному чужому человеку не разрешалось поправить огонь или даже подвинуть головешку или котелок с варящейся в нем пищей».⁶⁵ Интересно, что огонь очага, жировой лампы оберегался от взгляда добытого зверя. Когда вносили добычу в ярангу или в полог, голову зверя прикрывали чем-нибудь, так как «не хорошо, если мертвый зверь смотрит на домашний огонь».⁶⁶ Однако уже в начале XX в. далеко не все чукчи соблюдали такое строгое отношение к домашнему огню. Н. Ф. Калинин писал по этому поводу: «Тут я наткнулся на такое разнообразие в понятиях, что вынести какое-нибудь целое представление для меня оказалось невозможным. В то время как в одних ярангах огонь строго охраняют от пришельца, в других позволяют пользоваться совершенно свободно и смеются, когда указываешь, что в таком-то месте отказали в огне».⁶⁷

Вторая, более распространенная функция огня домашнего очага — роль посредника между человеком и высшими существами, а также пред-

⁶¹ Богораз В. Г. Материалы..., с. 16.

⁶² Калинин Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912, с. 85.

⁶³ Там же, с. 105.

⁶⁴ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 54—55.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Калинин Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток, с. 107.

⁶⁷ Там же, с. 105.

ками, которым приносятся жертвы. Это — «Творец», Вселенная (Природа), предки, т. е. «божества» и существа, обитающие в верхнем пространстве (на небе). К ним обращались и через посредство очага (костра), так как они не ели, а вдыхали запахи пищи и тем удовлетворялись. Некто Тыцагыргын так объяснял Е. Кавелину жертвоприношение огню: «Чаще всего бросают кусочек носа оленьего. Это для того, чтобы живущий там, на небе, „старик“ («Творец», — И. В.) мог почувствовать дым от оленя, который для него убивается. „Старик“ тоже кушать хочет. Анкалины (приморские чукчи, — И. В.) не имеют оленей и поэтому кормят „старика“ моржовым мясом».⁶⁸ Посреднический характер огня особенно отчетливо проявлялся после удачного промысла. По случаю добычи дикого оленя, зашедшего в стадо домашних оленей, приносили жертву и возле его туши «зажигали священный огонь, в который бросали жертвоприношения». А в тех случаях, когда добывали бурого медведя, лося, росомаху или волка, закалывали оленя и совершали жертвоприношение огню.⁶⁹ И это жертвоприношение было, конечно, не огню, а через огонь выражалась благодарность тому, от кого зависел успех промысла, кто послал зверя. Еще не так давно старый пастух-колхозник говорил: «Когда мы ищем отколовшуюся часть стада, — а поиски длятся иногда несколько дней, и пастухам все это время приходится находиться в тундре, — то каждый день кормим костер, даем из имеющихся у нас продуктов всего понемногу (мяса, сахару, чаю, табаку), чтобы не разразилась пурга или не пошел бы дождь». Сам по себе огонь костра не в состоянии предотвратить непогоду, это стихия Природы, Вселенной. Ей и адресовались дары пастуха-колхозника Челго через огонь.

Вообще по «праздникам» костер очага получал угощение обязательно, наравне с домашними охранителями. Когда требовалось испросить хорошую погоду, делалось это через огонь костра, который выполнял роль посредника между тем, кто просил, и тем, кому адресовалась просьба: Наргынэнагты — Природе, Вселенной. Через костер угощали всевозможными продуктами предков. С домашним очагом тесно связан культ предков.

Культе предков у оседлых и кочевых чукчей носил явно выраженный патриархальный характер. В этом культе отражена социальная роль в производственной, общественной и семейной жизни мужской половины чукотского общества. По-видимому, на Севере рано сложилось такое разделение труда, при котором добывание средств к существованию всецело вошло в обязанности охотника. С появлением оленеводства, а тем более в связи с превращением его в пастушеское хозяйство на основе частной собственности на оленей, господствующее положение мужчин в семье, общине еще более усилилось. В то же время суровые климатические условия, сложность кочевого образа жизни требовали от женщины огромных усилий для поддержания в нужном состоянии жилища, тепла в нем, постоянных трудов по изготовлению из шкур оленей одежды и обуви, по уходу за детьми и стариками. Таким образом, сами условия жизни, добывание средств к существованию в арктических широтах способствовали формированию таких общественных начал, при которых мужчины заняли главенствующее положение в семье и коллективе. В общественном сознании чукчей это положение прочно закрепилось и оформилось. В мифах чукчей все персонажи пантеона созидателей и покровителей жизни людей, а также и их антиподы — непременно мужского пола. Лишь

⁶⁸ Кавелин Е. В стране анкалин и чауча. — Советский Север, 1931, № 7—8, с. 98.

⁶⁹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 81.

в заимствованных от эскимосов представлениях о морских владетелях фигурируют матери разных видов морских животных, морская владычица — старуха. Отсюда естественно особое отношение к предкам мужского пола, их почитание и почти полное забвение предков женщин. Следует все же заметить, что в религиозном сознании чукчей бытовали и культовые объекты женского пола наравне с мужскими. Так, жители Уэлена считали основателями своего селения неких старика и старуху, которых и почитали с равным уважением. То же можно сказать относительно культа луны. По представлениям одних чукчей, на луне находится женщина, по представлениям других — мужчина.

Двойственность представлений и соответствующее им отражение в культах, вероятно, результат социального столкновения, выразившегося в борьбе за главенствующее положение между женщинами и отвоевывающими у них это положение мужчинами. В этом несомненно проявляется отмеченное Ф. Энгельсом положение, что «религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой».⁷⁰ Следы такого рода консерватизма отражены и в мифологии и в религиозных представлениях чукчей.

О культе предков у чукчей имеются лишь краткие указания, встречающиеся в работах В. Г. Богораза⁷¹ и других авторов, не занимавшихся, однако, специально изучением их верований.⁷² А между тем культ предков у чукчей представлял собой определенно выраженную форму их религиозного сознания. В их языке существует специальный термин *йин-эньирык* — «помянуть предка, направлять свои думы предку (вниз); двигаться против ветра». У них существовало три уровня культа предков: семейный, патриархально-семейной общины и селения, в котором жило несколько патриархально-семейных общин, или околотка, в котором кочевало несколько родственных патриархально-семейных общин оленеводов. Между семейным и патриархально-семейнообщинным культами предков не существовало никаких видимых связей и зависимости. Эти культы отражали социальную структуру чукотского общества конца XIX — начала XX в.

Чукчи почитали отцов, дедов, а иногда и прадедов. Этот круг не ограничивался только прямыми предками, они чтити также хороших и добрых людей, соседей и родственников, прославленных и удачливых охотников, сильных и смелых людей, принимавших участие в состязаниях, опытных оленеводов, искусных мастеров, хорошо умевших делать нарты, охотничьи орудия и снасти, строить байдары, знаменитых шаманов, танцоров и певцов. Они гордились такими людьми, считая их героями своей истории. Делая приношения (жертвы) им, они просили, чтобы все хорошие их качества перешли к тем, кто сейчас живет.

По представлениям чукчей и коряков, предки всех рангов помогали людям своим знанием жизни, опытом. Своими советами они незримо направляли охотников во время промыслов, содействовали их успеху во всех важных жизненных делах, поддерживали в них мужество, упорство и настойчивость в борьбе за существование, стойкость в борьбе с врагами.

⁷⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 315.

⁷¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 4, 45, 48, 50, 60, 68, 180—181, 192, 194.

⁷² Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода. — Зап. Сиб. отд. РГО, СПб., 1857, кн. III, с. 94; Дьячков Г. Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова. Владивосток, 1893, с. 59, 64; Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», т. II, с. 173, 320; Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1896, с. 111, 116; Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»..., с. 317, 322, 323; Галкин Н. В. В земле полуночного солнца. М.—Л., 1929, с. 63—64, и др.

Они служили примером, образцом, которому должно было подражать здравствующее поколение. В то же время предки охраняли своих потомков от постоянно подстерегавших их вредоносных существ — кэльэт, так как могли видеть эти существа. Живые люди не могли видеть ни кэльэт, ни своих предков. Предки как бы руководили социальными аспектами жизни отдельной семьи, патриархальной общины и, наконец, жителями данного селения. Культ предков, хотя и был общим для религиозного сознания всех чукчей и коряков, в то же время отражал общественные устои, бытовавшие у этих народностей в конце XIX в. Каждая семья, патриархальная община, поселок почитали своих определенных предков. Общечукотского и общекорякского культа предка или предков не было. Очевидно, поэтому неродственники, посторонние, присутствующие при ритуальных отправлениях семьи, патриархальной общины, не принимали участия в жертвоприношениях. Обычно они совершенно безучастно относились ко всем процедурам такого свойства. Могли в это время заниматься каким-нибудь посторонним делом, говорить о предметах, не имеющих отношения к происходящему, шутить, смеяться и т. п. Такое поведение не вызывало осуждения со стороны тех, кто находился в «молитвенном» настроении. И это понятно, поскольку предок, к которому обращалась данная семья, патриархальная община, не был предком присутствующего гостя, неродственника. Посторонние принимали активное участие лишь в развлекательной части, которой обычно сопровождался такой ритуал (разного рода состязания), в общей трапезе, неизменно завершавшей такую встречу. Таким образом, связь людей с предками носила иной характер, чем связь с природой и ее явлениями. Последние были совершенно независимы от людей, обслуживали как бы их всех. Отсюда устойчивость и всеобщее распространение этих культов. В то же время культ определенных предков, особенно в семье, носил явно преходящий характер. Чукчи сами делали изображения своих предков. Они изготовлялись из дерева, причем весьма отдаленно напоминали фигуру человека. Иногда предки выступали в роли личных охранителей. В таких случаях их символы вырезались из кожи и также в форме условного изображения человека. Назывались они *кипур*. Их привязывали на нитку, которая затем надевалась на шею. Обычно и в том и в другом случае это мог быть дед или отец. Однако только умирал кто-нибудь из старших и почитаемых при жизни родственников, его символическое изображение добавлялось к связке семейных охранителей, а старые могли быть сожжены. Личные охранители также заменялись довольно свободно, особенно если они, по представлениям владельцев, плохо их охраняли. «Вырезанные из кожи, — писал Олсуфьев, — небольшие изображения человека или оленя, которые чукчи носят на шее... они без всякого сожаления отдавали мне... после чего сейчас же делали себе новые».⁷³

«Распаленная вождением фантазия, — писал К. Маркс, — создает у фетишиста иллюзию, будто „бесчувственная вещь“ может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть. Грубое вождение фетишиста *разбивает* поэтому свой фетиш, когда тот перестает быть его верноподданнейшим слугой».⁷⁴

Более устойчивым было поклонение предку патриархально-семейной общины. У оседлых чукчей их изображения устанавливались в расположении жилищ данной патриархальной общины. Обычно это была вертикально поставленная нижняя челюсть кита или камень. У разных территориальных групп чукчей они назывались по-разному. В Чукотском

⁷³ Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, с. 116.

⁷⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 98.

районе такой предок назывался *каляквын* — «защитник от кэле». Он первым получал долю (угощение) от всего добытого, до того как начнут есть члены данной общины. Делалось это таким образом, как полагалось в семье: первый и лучший кусок давался старшему.

На азиатском берегу Берингова пролива, на побережье моря южнее Анадыря, они назывались *камак*. Слово это, видимо, эскимосского происхождения. По фонетическому облику и происхождению оно весьма близко эскимосскому слову *к̄амак̄ӯ* — «потухать», «гаснуть», «умирать». У чукчей оно полисеманлично. Это и «злой дух», и «моровое поветрие», и в то же время «подземный мир». От этой основы образован ряд производных слов: *камагрытын* — «бивень мамонта», *оттыкамак* — «деревянный камак», т. е. деревянное символическое изображение умершего предка, помещенное в связку домашних охранителей, *аркамак* — деревянное огниво, собственно доска с обугленными углублениями. В то же время это слово означает и «смерть». У амгуэмских чукчей и чукчей Прианадыря определенные места на берегу реки, моря, где приносились жертвы в летнее время, назывались также *камак*.

Более определенно выражается отношение чукчей-оленьеводов к особо почитаемым предкам патриархально-семейных общин. На месте их захоронения (оставления), обычно на возвышении, укладывались в кучу рога приносимых в жертву оленей. Это было как бы увеличением стада покойника. Оно ежегодно пополнялось рогами жертвенных оленей. Такие «памятники» на Чукотке находили повсюду, где кочевали оленеводы. Назывались они *тынмай* — «куча рогов, сложенная на могиле». Часто кучи рогов, особенно когда они достигают больших размеров, писал В. Г. Богораз, «утрачивают характер приношения одному человеку и служат чем-то вроде памятника всем умершим членам семьи».⁷⁵ Здесь несомненно идет речь о большой патриархальной семье и ее предках: дедах, прадедах и, очевидно, более дальних родственниках по восходящей линии. То же наблюдалось и у приморских чукчей, которые продолжали поддерживать традиции прошлого и на места захоронений также старались относить рога оленей. Поскольку умерших жителей поселка относили на одно место, рога там складывались в несколько куч, количество которых, видимо, соответствовало количеству патриархально-семейных общин, проживавших в поселке. «Каждая семья, — отмечал В. Г. Богораз, — продолжает приносить рога для своих покойников, но складывает их в общую кучу».⁷⁶

Культовые отправления в адрес предков совершались обязательно в дни итоговых производственно-хозяйственных праздников. *Килвэй* — праздник по случаю окончания отела оленей, одним из ритуалов его было приношение предкам. При этом выкапывались две маленькие ямки, в одну из них клали частички традиционных продуктов, в другую — привозные, туда же наливали несколько капель водки. Эти угощения предназначались вообще всем предкам. То же происходило осенью во время *вылгы-каанмат* — «тонкошерстного убоя оленей для одежды». Так же как и весной, во время праздника килвэй, жители стойбища шли на север от яранги и там в маленькие ямки клали кусочки очень мелко нарезанных продуктов: *ыттоотльэты* — «предкам», или *гыргочалэты* — «верхним (людям)», или *панальэты* — «умершим прежде». После этого из дерева вырезалась антропоморфная фигурка, которая и должна была изображать *авыиральын* — «главного в жилище», «домохозяина». По внесении в ярангу фигурку смазывали (угощали) костным мозгом и приобщали

⁷⁵ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 193.

⁷⁶ Там же.

к связке домашних охранителей. Забота о предках выражалась также и в том, что после забоя оленей производилось особое служение *музгыргын* (частью его был обряд с «участием» передней ноги первого забитого теленка). Делалось это для того, чтобы жизненная сила («душа») теленка поднялась в стадо «верхнего народа», т. е. предков.

У чукчей было принято, если умирал старший в семье (дед, отец), к связке домашних охранителей привязывать какой-нибудь предмет, принадлежавший покойному, например пояс,⁷⁷ который наравне со всеми охранителями «кормили». Но чаще изготовлялась антропоморфная фигурка — символическое изображение этого предка. Кроме того, некоторые из чукчей в верхнем углу полога подвешивали небольшую деревянную фигурку, одетую в меховые одежды, представлявшие собой воплощение почитаемого предка. К ней обращались, когда выбирали направление для дальних перекочевков, при этом фигурка предка привязывалась к особому гадательному прибору (*пынчотконау* — «орудие спрашивания»), которым и руководил — или, вернее, через который давал свои советы — предок (*авырлалъын*). Чукчи были предупредительны к покойникам. Если чукча случайно наткнулся где-нибудь на *панаалываны* — «место, где был положен покойник», он считал своим долгом угостить его тем, что у него было с собой, хотя бы щепоткой табаку. Делалось это для того, чтобы покойник не обиделся и не испортил погоды. Мне известен такой случай. Два пастуха шли из стада в поселок. Полил дождь, старший из них свернул на ближайший холм, где находилось захоронение, угостил табаком и мясом место, где был положен в свое время его родственник, и таким образом «приостановил дождь». О культе предков и культовом отношении к покойникам-родственникам писал и В. Г. Богораз. Он отметил, что «чукчи, которых постигло какое-либо несчастье, прибегают к помощи умерших родственников. Например, оленеводческая семья, у которой отбилась большая часть стада, обращается к наиболее чтимому из своих предков... Они просят его найти оленей и вернуть их обратно». Свои наблюдения в этом вопросе Богораз завершил высказыванием чукчей: «Мертвые всегда с нами. Они наблюдают за нами и могут дать нам помощь и защиту».⁷⁸

Изучив состав и происхождение отдельных предметов, входящих в связку семейных охранителей, В. Г. Богораз пришел к выводу, что «охранители вообще представляются предками семьи».⁷⁹ В этом довольно категорическом заключении есть доля преувеличения. Чукчи, например, не относят к предкам семьи ни волка, ни песца, ни чайку, ни медведя, черепа которых обычно находились в связках охранителей. Вообще родословные чукчей очень коротки. В лучшем случае они могут назвать прадеда. Нет упоминаний и в мифах о таких предках, хотя звери и птицы наделяются присущими человеку свойствами. Предками еще более устойчивого порядка считались основатели данного селения. Их изображением (символом) часто служила челюсть кита, установленная вертикально и находящаяся на окраине селения (рис. 4), как видел автор этих строк в сел. Мечигмен и Аккани. То же было, видимо, и в сел. Чечин.⁸⁰ Но были и другие обозначения, например в Уэлене два рядом стоящих камня. Они назывались «Старик и Старуха». Еще в конце XVIII в. на карте района сел. Уэлен, составленной сержантом Гилевым, есть помета:

⁷⁷ В. Г. Богораз также относил этот обычай к проявлению культа предков у чукчей (Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 60).

⁷⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 181.

⁷⁹ Там же, с. 60.

⁸⁰ Там же, с. 103.

«Жительство Уэлень. Камень на wysokości поставленной, коему чукчи оленные и сидячие (чукчи и эскимосы, — И. В.) приносят жертву».⁸¹ В. В. Леонтьев в статье, посвященной истории Уэлена, отметил, что жертвенным местом жителей селения были камни *Ыпыначгын* — «Старик» и *Ыпыцэв* — «Старуха». Лет 15 назад, продолжает В. В. Леонтьев, когда эти камни еще стояли, «старые охотники, возвращаясь с моря с до-

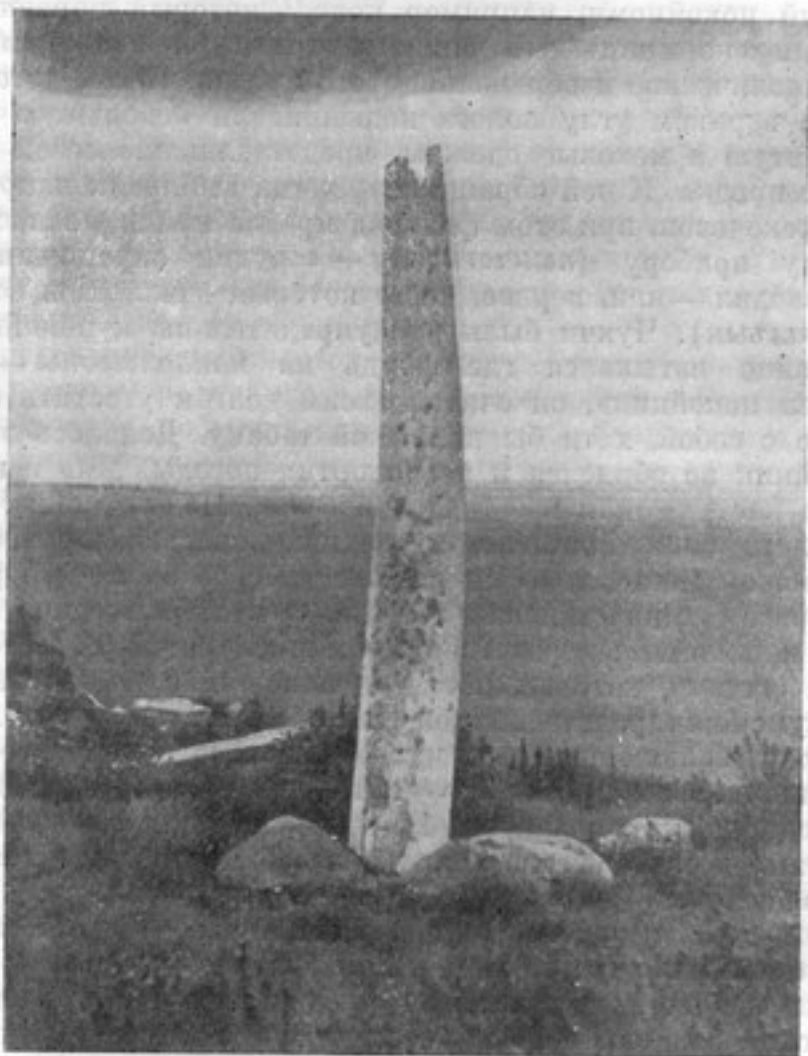

Рис. 4. Столб — покровитель селения (фото автора).

бычей и проходя мимо скалы Ёпын — „Наблюдение“, где наверху лежал камень *Ыпыначгын*, соскабливали с морды нерпы или лахтака намерзшую кровь и кидали ее щепоткой в стороны предков. Чуть выше камней *Ыпыначгын* и *Ыпыцэв* есть жертвенное место *Рыватлявыттэ* — „Поставленные головы“, где лежали черепа моржей и белых медведей».⁸² Из цитированных материалов следует, что культ общего предка сел. Уэлен документально регистрируется почти около двухсот лет, что несомненно свидетельствует о давности и устойчивости этого культа. В сел. Мечигмен в 1932 г. на юго-восточной окраине стояла челюсть кита, на

⁸¹ Атлас географических открытий XVII—XVIII веков, М., 1964, карта № 171; Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, М., 1956, с. 433.

⁸² Леонтьев В. В. Этническая история поселка Уэлен. — Краеведческие записки, Магадан, 1972, вып. IX, с. 89—91.

которой были навешаны на жильных нитках стеклянные и фарфоровые бусы, а у подножия лежали парами челюстные кости кита. Это тоже был предок данного селения.

Нечто аналогичное, но уже другой внешней формы увидел Г. У. Свердруп в сел. Дежнев (Кэнысқун). «В Кэнгесконе, — отмечал он, — лежит огромный спинной хребет кита, которому чукчи приносят жертвы. Возвращаясь с удачной ловли, они охотно бросают под хребет несколько кусков мяса, иногда даже тюленью голову».⁸³

В. Г. Богораз еще в 90-х годах XIX в. слышал от местных жителей, что на о-ве Айон в память о некоей Кээки (он слышал, что это была шаманка) сооружен «памятник» из рогов оленя, что стоит он давно и что частично уже вошел в землю.⁸⁴ Интересно, что этот «памятник» сохранился до наших дней. В. С. Тархов в 1955 г. на о-ве Айон увидел «древний памятник, который сложен из рогов оленей. Местное население называет его Каакен». Заинтересовавшись его происхождением, он обратился за разъяснениями к чукчам. Они ему рассказали, что «здесь был похоронен какой-то богатый человек». Место это до сих пор посещается оленеводами, к памятнику добавляют рога и иногда привозят зеленые ветки из лесной зоны.⁸⁵ Несомненно, оба автора говорят об одном и том же месте, что подтверждается его названием. Таким образом, и среди оленеводов память о семейно-общинных предках сохранялась так же долго. И этот памятник, вероятно, значительно старше первого упоминания о нем в литературе (конец XIX в.).

Культ предков кое-где среди старшего поколения чукчей сохраняется и в настоящее время. Так, в 1970 г. чукчанка К. после длительного отсутствия приехала к себе на родину, в район р. Омолон. Встретившая ее тетушка привела К. на место захоронения ее матери и сказала: «Теперь ты должна угостить свою мать». К. выполнила это как полагается, а обращение к ее матери произнесла тетушка. Она сказала: «Вот приехала твоя дочь из дальней страны, она тебя не забыла, сделай так, чтобы она была всегда здорова и благополучна».

Описанные примеры дают основания утверждать, что отношения между предками и потомками строились на взаимной поддержке (живые угощали покойников, а те в свою очередь оказывали им помощь, покровительство), как и отношения между «существами (божествами) природы» и людьми, о чем говорилось выше.

Культовые предметы (фетиши), рисунки, изображающие людей и животных, и, если можно так назвать, культовые сооружения чукчей распадаются на три основных вида, категории, соответственно существовавшей у них градации культов: личные, семейные и общинные. Личные и семейные носили одно общее название — *тайуыквыт* — «охранители», «защитники» от невидимых таинственных сил, могущих причинить зло, смерть, неудачу, «помощники и покровители» человека, способствующие успешному претворению в жизнь личных начинаний в промыслах, хозяйственных делах, «товарищи». Слово это сложное, состоящее из основы *тайу-*, соединительной гласной *ы* и суффикса *-кв(ын)*. От основы *тайу-* образуется существительное *тайуыгыргын* — нечто запретное в обычаях, правилах общежития, нарушение которых приносит несчастье, неблагополучие, «грех». Отсюда прилагательное *нытайуукэн* — «запретный», «греховный». При помощи суффикса *-кв(ын)* образуются существительные со значением «защита», «предохранение». Некоторый полисеман-

⁸³ Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»..., с. 320.

⁸⁴ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 192.

⁸⁵ Тархов В. С. Древний памятник. — Зап. Чукотского краеведческого музея, Магадан, 1958, вып. 1, с. 61.

тизм в названии *тайуыквыт* отражает две функции объединяемых этим названием предметов. С одной стороны, — это «охранители и защитники», с другой — «помощники». Отношение к ним человека не было одинаковым. Часть личных фетишей была объектом поклонения, культа, другая не требовала к себе такого отношения, действовала на пользу человеку одним своим присутствием. Фетиши личного пользования чукчей были наиболее распространенными и довольно разнообразными по форме.⁸⁶ Практически не было ни одного чукчи, который бы не пользовался личными фетишами разных назначений. С первых дней появления на свет ребенка уже «ограждали» различные предметы, якобы воплотившие в себе силы, способные защитить его, сохранить ему жизнь.

Об использовании личных «охранителей», «защитников» писали все авторы, которым приходилось близко соприкасаться с чукчами, наблюдать их в семейной обстановке. Помимо общих сведений, они дают перечень таких предметов и указывают их назначение. Так, А. Аргентов писал: «У чукоч имеются болванчики и куколки в память прежде отшедших и в честь невидимых существ... Честь, воздаваемая этим идолам, состоит в том, что некоторых из них, пристегнув к платью, или же иногда надев на шею, всюду носят на себе».⁸⁷ А. Е. Норденшельд полагал, что в качестве личных фетишей у чукчей могли быть не только изготовленные самими, но и найденные «необычные по форме, чем-то привлекавшие их внимание предметы». «Их амулеты, — отмечал он, — представляли собой деревянные вилочки, длиною 4—5 сантиметров, какие чукчи часто носят на шее. Мой хозяин сказал, что такой амулет, надетый на шею, верное средство против болезней».⁸⁸ Несколько ниже он дополнил свое сообщение, указав, что чукчи носят еще и бусы, маленькие головки из кости или изображения на кости, кусочки металла, монеты и т. п. «У одного ребенка на шее висела старинная китайская монета с четырехугольным отверстием».⁸⁹ А. В. Олсуфьев уже отметил, что чукчи используют в качестве «симпатического средства от болезней» вырезанные из кожи небольшие изображения человека или оленя, которые они носят на шее.⁹⁰ Значительно более полный перечень «личных защитников» дается В. Г. Богоразом. Он указывает, что они носят разные названия, которые, очевидно, отражают их функции. Так, он называет: «сторож», «защитник», «пособник», «помощник» или «помогающий товарищ». Далее он отмечает, что у каждого человека есть один или несколько «защитников». Их носят на шее или привязывают к поясу (рис. 5), однако обычно носят «на ожерелье в маленьком кожаном мешочке».⁹¹ Г. У. Свердруп несколько расширяет и дополняет сведения предшествующих авторов. «Для предохранения себя от несчастья и болезни, — писал он, — дети и женщины носят на запястьях и предплечьях ремни; дети, кроме того, часто носят вокруг шеи фигурки из дерева».⁹² Мне приходилось встречать личных охранителей в виде камней, которые чукчи носили в кожаном мешочке. Некоторые из них будто бы были найдены в горле оленя. Но чаще всего встречались кусочки дерева, отдаленно напоминающие фигуру человека. Почти у всех пастухов в качестве личных охранителей встречались короткие низки, состоящие из трех бус, как правило, красного, белого и красного цвета. Эти низки привязывались сзади на пояс. Служили они

⁸⁶ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 49—54.

⁸⁷ Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода, с. 94.

⁸⁸ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», т. II, с. 173.

⁸⁹ Там же, с. 320.

⁹⁰ Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, с. 116.

⁹¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 49.

⁹² Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»... с. 320.

охранителями оленеводов во время дальних путешествий и при выпасе оленей. Кроме того, мне известен случай, когда один из пастухов на верхнем конце посоха, с которым обычно он ходил в стадо, носил маленькое металлическое тесло. Когда я поинтересовался, что это такое и зачем, он ответил, что это *кэьунэу* — «орудие защиты от кэле». С этим орудием он очень уверенно чувствовал себя в стаде, оставаясь один в тундре. Довольно часто встречался так называемый *и'нничгын* — гайтан из жильных ниток, к которому привязывался круглый кусок кожи лахтака (диаметром 4—6 см). Интересно то, что такой же *и'нничгын* надевали на шею

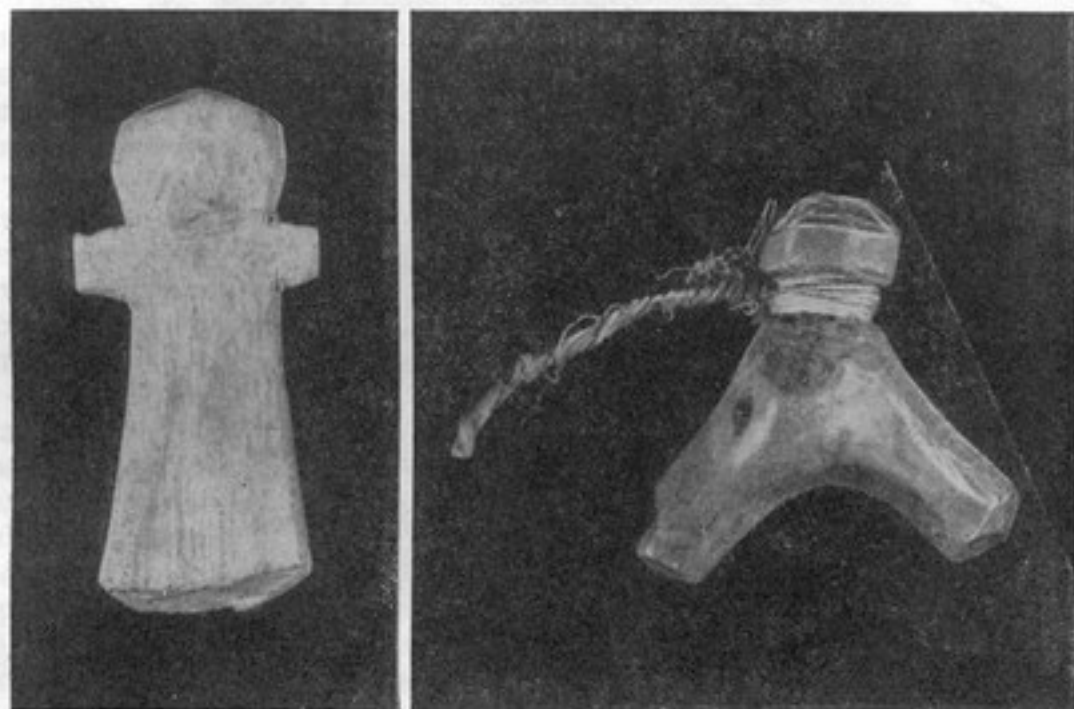

Рис. 5. Охранители (поясные): оккамак и от'tyoravet'lian (МАЭ, колл. № 422—71 и 422—72).

приметному телянку. Он должен был предохранять стадо от вредоносных существ (болезней) в течение всего лета. На следующий год весной делался новый *и'нничгын* и надевался уже на родившегося в этом году телянка. Так повторялось каждый год. Кроме того, у чукчи К. я видел дощечку в виде усеченной пирамиды (высотой около 6 см), которая висела около задней стены полога. Он считал ее своим личным охранителем и при всяком подходящем случае кормил ее сам. Называл он ее *гымнин тумгытум* — «мой товарищ».

Весьма часто можно было встретить и молодых и старых чукчей, у которых на голове был надет узкий ремень с пришитыми к нему пуговицами либо бусами. Это так называемый *чеутытэчев* — «повязка вокруг головы». На прилагаемой фотографии (рис. 6) видны пуговицы, симметрично расположенные по обе стороны темени. Это дополнительные глаза, долженствующие видеть и главным образом отпугивать злонамеренные существа, если они попробуют приблизиться к владельцу повязки. В качестве охранителя также нередко можно было увидеть шкурку горностая, прикрепленную к спинке куклянки мальчика (рис. 7). Она же должна была вселить во владельца мужество, быстроту и проворство горностая.

Обрядовая женская одежда (*кэмляюн*) отделялась особыми кисточками (*пинэкэт*), которые делались путем последовательного нанизыва-

Рис. 6. Мальчик с «глазастой» повязкой на голове (МАЭ, coll. № И-1852—329).

Рис. 7. Шкурка горностая на одежде мальчика (МАЭ, coll. № И-1852—329).

вания кусочков шкурки от хвоста евражки и кожи оленей. Они охраняли владелицу одежды от кэльэт. К личным охранителям чукчи относили татуировку лица, особенно у мужчин (рис. 8). Изображались фигурки людей, кружки по обеим сторонам рта и т. п. И даже замена имени новым относилась к одному из радикальных способов защитительного свойства. С изменением имени человек менялся настолько, что его не узнавали кэльэт.

Охранитель в виде человекообразной фигурки (предка) непременно подвешивался внутри кибитки (*кааран*), предназначенной для перевозки детей во время перекочевков.

Таким образом, личные фетиши чукчей по форме и действиям значительно индивидуализированы и поэтому нет строгого, канонизированного разграничения их функций. Даже один и тот же фетиш может выступать то в роли защитника, то в роли помощника, то в роли товарища. Отсюда пестрота возжеланий и надежд, которыми наделяло воображение чукчей свои фетиши.

Еще более разнообразными были культовые предметы, принадлежащие семье. В каждой яранге обязательной была связка семейных охранителей — *тайуыкыт* (рис. 9). В ней находились предметы, призванные прежде всего охранять членов семьи, их жилище, стадо оленей — источник благополучия семьи, поддерживать удачные промыслы на суше и на море. Наряду с общепринятыми фетишами (огнивая доска, изображения предков, части одежды предков) были культовые предметы, избранные в качестве таковых по особым, личным соображениям их владельцев. Отсюда известное разнообразие наборов таких предметов, наблюдавшееся в семьях чукчей оленеводов и приморских охотников. Норденшельд в сел. Пилгын на побережье Ледовитого океана видел вместе с «пучком амулетов» (деревянных вилок длиной 4—5 см) волчий череп, висевший на ремне, волчью шкуру с хрящом морды и плоский камень.⁹³ В. Г. Богораз к числу особых предметов относил изображения деревянной женщины — *уттыуэв*, называемой также *уэвэрмэчын* — «госпожа». Такая женская фигурка считалась хозяйкой дома и покровительницей стада. Было также изображение деревянного мужчины — *оттылаул*. Он считался мужем деревянной женщины. Среди предметов в связках охранителей В. Г. Богораз видел «маленькие деревянные изображения челноков», части погребальной одежды, снятые с покойников перед исполнением обряда погребения: мужские пояса, а от женской одежды — узкие полоски меха от обшивки ворота. Они служили олицетворением конкретных предков. Тут также могли быть кусочки кожи, срезанные с головы жертвенного оленя, кончики носов пушных и морских зверей, камни необычной формы, например со сквозным отверстием. «Головы воронов в соединении с человекоподобными изображениями представляют

Рис. 8. Татуированные изображения «защитников» (Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 50, рис. 41).

⁹³ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», с. 173.

„помощников“ в делах потустороннего мира, — писал В. Г. Богораз, — а „голова волка-помощника“ имеет силу здесь, на земле; головы лисы, зайца и полярного медведя и носы пушных зверей помогают при охоте

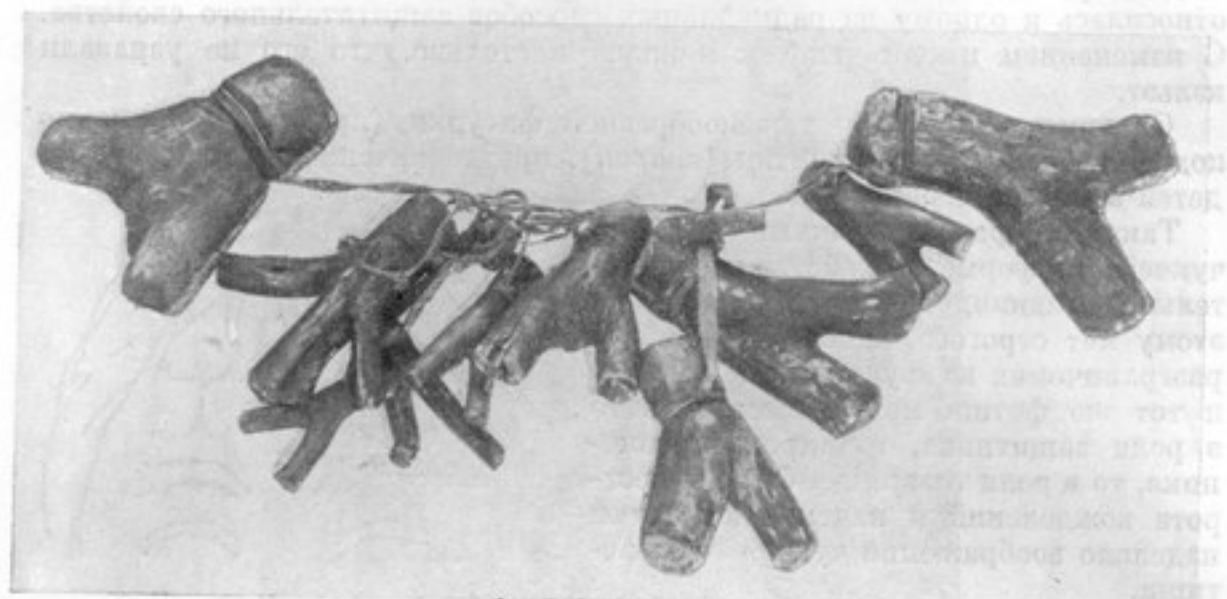

Рис. 9. Семейные охранители тайцыквыт (МАЭ, колл. № 422—58).

на этих зверей. Камни представляют землю, по которой ходят „люди“ из связки охранителей. Так как черепа животных и камни употребляются

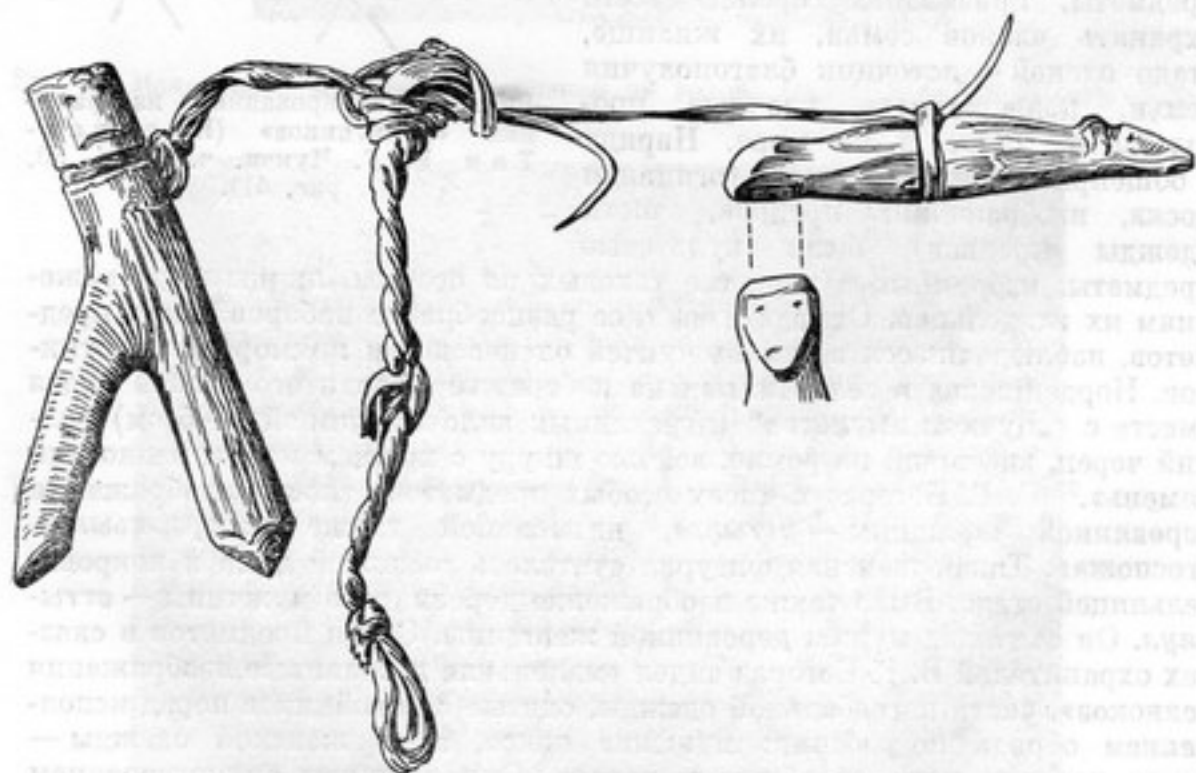

Рис. 10. Охранители (человек и волк) из группы тайцыквыт (МАЭ, колл. № 422—75а, в).

при гадании, то предполагается, что и „люди из связки охранителей“ употребляют их для этой же цели. Деревянное изображение собаки представляет собаку, принадлежащую „главному хозяину“ из связки охрани-

телей. Он пользуется ею на охоте»⁹⁴ (рис. 10). Получается, что сами по себе предметы в связке охранителей ведут незримую для людей деятельность, однако во всем подобную той, которая известна в жизни людей. За разнообразием предметов, включаемых в связки домашних охранителей, кроются различия в представлениях об их назначении. Даже одинаковые предметы-фетиши в разных семьях могут иметь разные функции. Так, некоторые наблюдения В. Г. Богораза не подтверждаются нашими материалами, например назначение черепов медведей и волков в связках охранителей, голов воронов и др.

Н. Ф. Калинин на Чукотском полуострове видел связки высохших почерневших предметов, среди которых находились «клюв птицы, зуб медведя, высохшая голова медведя, ухо лисицы, коготь нерпы, лоскутки кожи и прочие самые неожиданные предметы».⁹⁵ К числу особо ценных фетишей чукчи относили медвежьи головы. «Почти в каждой яранге можно найти их, реже высохшими вместе с кожей и гораздо чаще без нее, но всегда в неразобранном виде».⁹⁶ Несколько иной набор охранителей видел у чукчей Г. У. Свердруп. «В юртах хранится ряд предметов, — отметил он, — имеющих значение фетишей: черепа кита (? — И. В.) или медведя, китовый ус, древесная ветка и т.п.».⁹⁷ Он же отметил весьма своеобразное назначение некоторых фетишей, по-видимому относящихся к семейным предкам. «Небольшую деревянную фигурку или лоскут кожи часто можно видеть прикрепленным к носу лодки, а иногда к саням».⁹⁸ Н. Галкину в 1924 г. чукча из сел. Пынеупилгыи, расположенного к западу от Колючинской губы, указал как на домашние пенаты «на висевшие под потолком полога черепа песка и ворона».⁹⁹ В числе предметов-фетишей Поляков в 1933 г. видел «копытца телят, ветки тополя, лиственницы, талины и некоторые травы».¹⁰⁰

По сообщению моего корреспондента, у амгуэмских чукчей семейные тайныквыт — это человекообразные камешки, вырезанные из дерева фигурки людей, высушенные головы птиц (чаще ворона или чайки), разные предметы несколько необычного вида, найденные на месте, где была удача во время охоты, рыбной ловли и т. п.

Н. М. Коравье около устья р. Хатырки, на месте селения, покинутого чукчами в 1950 г., нашел связку семейных охранителей. Названия и назначения отдельных предметов определил местный житель чукча Пилили. Среди них оказались деревянные антропоморфные фигурки *оккамакат* (рис. 11), мешочек с мелкими камешками, обнаруженными в горле оленя, камень, при помощи которого гадали, подвешивая его на ремне (*пынлэ-нау*), несколько штук деревянных стрел, предназначавшихся для принесения на жертвенное место, клочок волос, маленькое деревянное огниво (*уттымилгымил*), модель байдарки, бисер, палочка, изображающая ногу теленка, фигурка собаки, вырезанная из дерева.

В многообразии предметов-фетишей все же можно увидеть однородные предметы, устойчиво повторяющиеся во всех наборах семейных охранителей. Это прежде всего *авыральный* — «домохозяин», «хранитель огня». Ежегодно после осеннего забоя оленей (*вылгыжаанмат*) к связке семейных охранителей добавлялась новая фигурка *авыральный*. Таким

⁹⁴ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 59—60. — Наглядную картину разнообразия видов семейных охранителей чукчей см. там же, с. 58—60; 66—68.

⁹⁵ Калинин Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток, с. 104.

⁹⁶ Там же, с. 105.

⁹⁷ Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»..., с. 320.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Галкин Н. В земле полуночного солнца, с. 99.

¹⁰⁰ Поляков. Чукотские праздники. — Советский Север, 1933, № 3, с. 102.

образом в некоторых семьях оленеводов их набиралось до пятидесяти и более в одной связке. Кормили их женщины. Тут же были предметы умерших предков или деревянные фигурки, долженствовавшие изображать предков. Весьма часто можно было встретить череп медведя или волка. Они были преимущественно в тех семьях, которые славились своими охотниками. Иногда черепа медведей хранили отдельно от общей связки охранителей, обычно за пологом, носом в сторону входа в ярангу. Считалось, что так голова медведя охраняет обитателей жилища от непрошенного вторжения кэльт (Анадырский район). По мнению чукчей

Рис. 11. Оккамак из связки тайцыквыт (МАЭ, колл. № 422—74).

амгуэмской тундры, череп медведя отпугивает живых медведей, не допускает, чтобы они напали на стадо оленей и на жителей стойбища. Череп медведя мазали пищей в дни праздников. В Чукотском районе и на побережье Ледовитого океана вплоть до м. Шелагского чаще встречались, по понятным обстоятельствам, черепа белых медведей, которые нередко использовались как главный атрибут, способный отвечать на вопросы хозяина при гадании о предстоящем сезоне охоты.

«Мой отец, — говорил мне чукча Кэвэв из Анадырского района, — в течение года держал голову добытого им медведя за пологом. Затем отнес ее в тундру, принес в жертву ей суп из крови оленя и оставил ее там. В тот же год он убил волка, голова которого заняла место головы медведя за пологом. Через год и эту голову он унес и оставил в тундре, принеся при этом в жертву ей кусочки оленьего мяса и суп из крови оленя». Указанным порядком совершалась замена охранителей такого рода, а в природе восстанавливалась (после добычи) убыль данного вида зверей.

Если черепа медведей и волков получали в результате охоты, то черепа птиц попадали в связки семейных охранителей только в том случае, если птица была найдена мертвой или если она попала случайно в какую-нибудь ловушку, например в капкан. Чаще всего попадались вороны. Ворон бессмертен. Когда умирает человек, его *увирит* — «жизненная сила», «жизненность» — превращается в ворона и улетает. Голова ворона, попавшего в капкан, присоединялась к *тайцыквыт* — семейным охранителям, обязательно рядом с деревянным символическим изображением, например деда. Так происходило как бы совмещение *увирит* деда с материальным его изображением. После такого случая обязательно имя деда давалось первому родившемуся ребенку. При этом происходило как бы раздвоение *увирит* — «жизненной силы», «жизненности», находившейся в вороне. Одна часть ее воплощалась во внука, вторая оставалась в вороне. Вот почему, как объясняли мне чукчи на Анадыре, нельзя убивать ворона. Таким образом, чтили его потому, что видели в нем предка, следовательно, верили в потенциальную возможность возвращения его и воплощения в потомке. Чукча Оллы говорил: *Ынуа ээлыыт анмыка*,

ынжэнат мургинэт пэнээлыт — «Нельзя убивать воронов, так как это наши покойники».

В каждой семье обязательно был деревянный снаряд для добывания огня путем трения (рис. 12). Это так называемый *уттымилгымил* — «деревянный огонь», который одновременно входил в семейные охранители, был предметом культа. Уттымилгымил обеспечивал людей светом, теплом, горячей пищей, защитой и поэтому относился к предметам-фетишам. Образцы форм огнивых досок были опубликованы.¹⁰¹ Следует, однако, заметить, что все виденные мною огнивные доски по внешним очертаниям напоминали человека, во всяком случае такие доски имели вырезанную голову с обозначением глаз, носа и рта. Как правило, в жилище чукчи было не менее двух уттымилгымил: один — для повседневного пользования, другой — для добывания огня в праздничные дни¹⁰² и для других ритуальных целей, так называемый *эуэужин милгымил*, т. е. относящийся к религиозным отправлениям. А вообще в каждой семье полагалось иметь столько таких снарядов, сколько было в ней членов мужского пола. Каждый мальчик считался будущим основателем семьи, хозяином стада, яранги и, следовательно, обладателем своего отдельного очага и прибора для добывания огня. «Каждый из приборов, — писал В. Г. Богораз, — связан с определенной частью стада, отмеченной особым тавром. Эти знаки тавра вместе со священными досками для добывания огня передаются из поколения в поколение. Каждый мальчик в возрасте четырех-пяти лет получает из семейного имущества доску для добывания огня и оленье тавро».¹⁰³ По нашим данным, каждому новорожденному мальчику делался новый снаряд для добывания огня, а не передавался один из старых. Он даже назывался по имени того, для кого он делался, например Уттымилгымил Рэлкут — «деревянный огонь Рэлкут».

Рис. 12. Деревянное огниво (МАЭ, coll. № 422—68а).

Одним из главных назначений огнивных досок была охрана стада. Поэтому во время отела их вынимали из мешков и ставили в наружном помещении шатра, чтобы они помогали рожающим важенкам. Если отбивалась часть стада, владелец его вынимал огнивную доску и просил ее найти потерявшихся оленей. Огнивные доски служили также защитни-

¹⁰¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 56—57.

¹⁰² Там же, 56.

¹⁰³ Там же.

ками жилища и всего имущества, принадлежащего его обитателям (которое хранилось обычно на грузовых нартах). Поэтому на видном месте к нартам привязывались огнивные доски.¹⁰⁴ «По изготовлении новой священной доски, — отмечал В. Г. Богораз, — над ней исполнялся короткий обряд, ясно показывающий, что эта доска предназначена быть сверхъестественным пастухом». Хозяин смазывал ее кровью оленя, тогда как в обычное время такие доски смазывались преимущественно костным мозгом. Помещая ее рядом с другими старыми огнивными досками, хозяин говорил: «Го! Это твои товарищи. Смотри, чтоб я всегда легко находил всякую добычу»; «Так как ты теперь один из моих помощников, то иди и подгони поближе стадо».¹⁰⁵ В этих простых формулах приобщения к деятельности огнивных досок можно проследить древние функции (помогай находить добычу) и более поздние, связанные уже с оленеводством (помогай выпасать, будь пастухом, охраняй оленей). Связки домашних охранителей переходили к тому члену семьи, который наследовал ярангу и, таким образом, семейный очаг. К нему переходили обязанности заботиться о предках, о кормлении всех предметов-фетишей, входивших в состав связки. Это положение подчеркивает тесную связь семейных охранителей прежде всего с предками (*авыралаыт* — «домохозяевами»), поэтому их никогда не хоронили с их прежними владельцами.

В религиозно-культурной традиции чукчей особое место отводилось вспомогательным предметам, которые использовались во время семейно-культурных отправок. Это специальная жертвенная посуда (корытца, «тарелочки»), бубны, колотушки для бубна, копы и некоторые другие предметы.

У чукчей использовались два вида специальной жертвенной посуды. Один — деревянные корытца небольших размеров (длиной 15—20 см, шириной 12—15 см и высотой 3—5 см). Довольно грубо обработанные, без каких-либо украшений, такие корытца применялись лишь при некоторых жертвоприношениях (рис. 13).¹⁰⁶ Другой вид — тарелкообразные, сделанные из небольших кусков кожи моржа округло-продолговатой формы. Чтобы придать им углубленную форму, края кусков кожи поджаривались на костре так, что они съеживались и приподнимались. Получался сосуд, напоминающий мелкую тарелочку (Чукотский район). В каждой семье имелось столько деревянных корытцев, сколько в ней было членов мужского пола (Чаунский и Анадырский районы). В этом отношении наши сведения несколько расходятся с данными, опубликованными В. Г. Богоразом. Он писал, что сосуд, предназначенный для жертвоприношений, имел четыре отделения, используемых для приношений четырем основным «направлениям», получающим жертвы, т. е. Рассвету, Полдню, Зениту и Надиру. Другие сосуды того же рода имеют только два отделения: одно для Рассвета, другое для Вечера.¹⁰⁷ Нам не известно ни одного случая жертвоприношений только двум направлениям. Во всех случаях жертвоприношений, адресуемых природе, они всегда совершались вкруговую посолонь. Чукчи считают, что такого выделения только двух направлений не могло быть, так как в этом крылась опасность обойти вниманием не менее важные два других: Полдень и Зенит. Вместе с тем нам известен случай, когда применялись при жертвоприношении на празднике Килвэй три деревянных корытца. Каж-

¹⁰⁴ Там же, с. 57.

¹⁰⁵ Там же, с. 57—58.

¹⁰⁶ Там же, с. 74, рис. 67, а, б.

¹⁰⁷ Там же, с. 74.

дое из них заполнялось особым видом пищи, смешение которой, видимо, по каким-то соображениям не допускалось. В одном корытце находились квашеные листья ивы, в другом — костный жир, в третьем — отварное мясо. Интересно, что специальная посуда использовалась не во всех случаях жертвоприношений. Так, например, после осеннего забоя молодых оленей (*вылгыжаанмат*) приношение предкам совершалось домохозяйкой

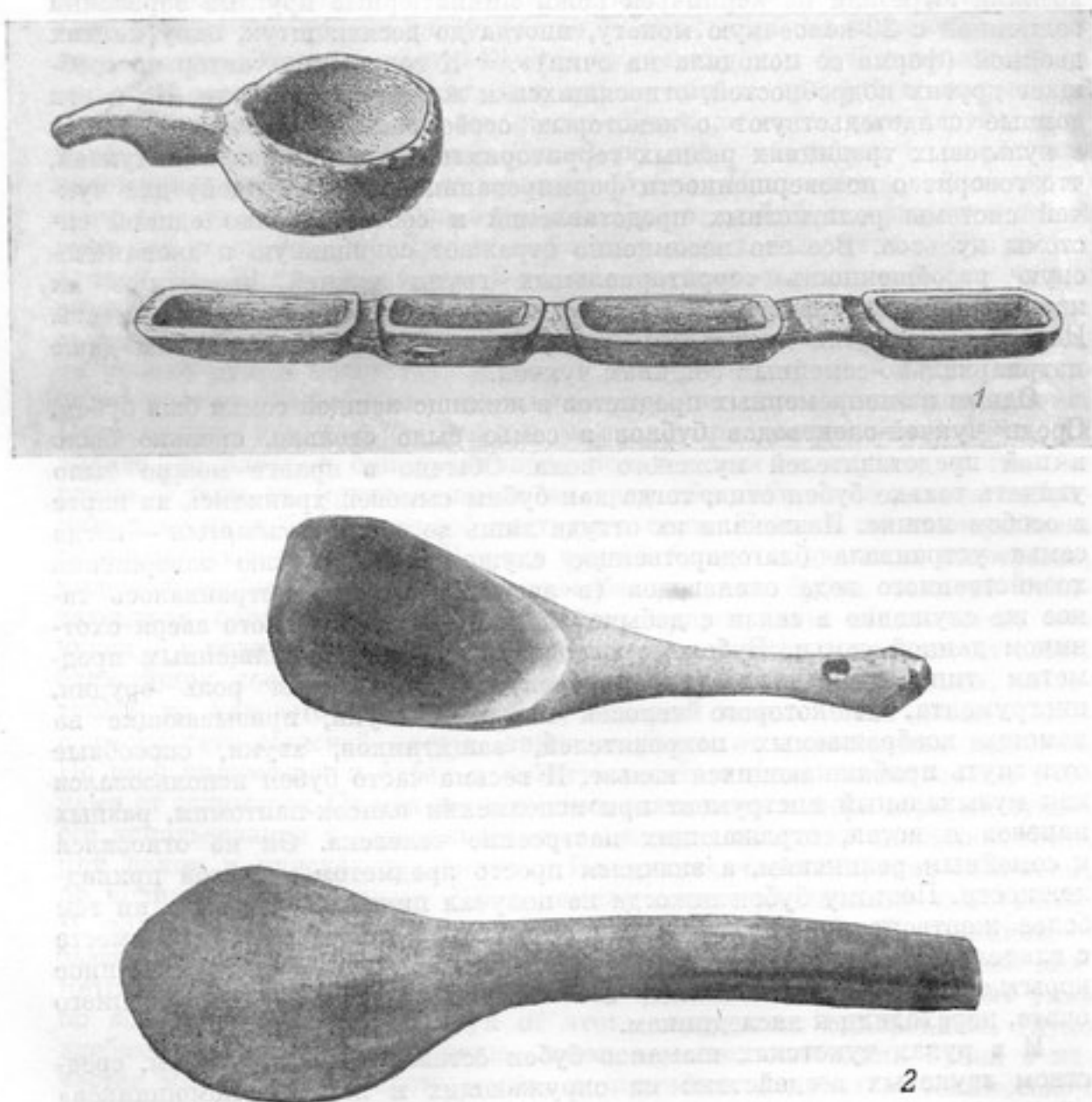

Рис. 13. Жертвенная посуда (МАЭ, колл. № 422—85/1,2).

1 — корытца; 2 — ложки.

из обычной посуды: деревянного блюда или таза. И это логично, так как предки считались членами данной семьи и получали пищу с общего стола, из общей посуды, которой пользовались в этой яранге.

Жертвенные корытца назывались *инэныттытку камахагэ* — «маленькие блюда для разбрасывания (приношений)» или *энанэнттыткоолгыт* — «содержащие предназначенное для разбрасывания (приношений)». И деревянные и кожаные сосуды одинаково применялись в данных целях.

Интересные сведения о посуде специально культового назначения и вообще о праздничной посуде имеются в статье В. Г. Кузнецовой.

У амгуэмских чукчей она видела «деревянные чаши и посуду из кожи». Но эта посуда у них отличалась от посуды подобного назначения, имевшейся у чукчей других районов. Так, она пишет: «Большие глубокие деревянные чаши имели овальную форму, чаши меньшего объема — круглую. Посуда из лахтачей и нерпичьей кожи состояла из небольших цилиндрических сосудов и маленьких плоских, сшитых из двух половин тарелочек... Кроме имевшейся праздничной посуды, в день праздника хозяйки вырезали из нерпичьей кожи миниатюрные круглые тарелочки величиной с 20-копеечную монету, иногда до десяти штук, одну из них двойной (форма ее походила на очки)».¹⁰⁸ К сожалению, автор не сообщает других подробностей, относящихся к жертвенной посуде. Но и эти данные свидетельствуют о некоторых особенностях, проявлявшихся и в культовых традициях разных территориальных подразделений чукчей, что говорит о незавершенности формирования общей (единой) для чукчей системы религиозных представлений и соответственно единой системы культов. Все это несомненно отражает социальную и экономическую разобщенность территориальных групп чукчей, известную их изолированность друг от друга, самостоятельность и независимость. Некоторые отличия в культовых отправлениях были свойственны даже патриархально-семейным общинам чукчей.

Одним из неперменных предметов в жилище каждой семьи был бубен. Среди чукчей-оленоводов бубнов в семье было столько, сколько было в ней представителей мужского пола. Обычно в яранге можно было увидеть только бубен отца, тогда как бубны сыновей хранились на нарте в особом мешке. Извлекали их оттуда лишь во время *музгыргын* — когда семья устраивала благодарственное служение по случаю завершения хозяйственного года оленеводов (в августе) и когда устраивалось такое же служение в связи с добычей какого-нибудь крупного зверя охотником данной семьи. Бубен не относился чукчами к священным предметам типа *тайныквыт* (охранителей). Он выполнял роль орудия, инструмента, из которого человек извлекал звуки, призывающие на помощь воображаемых покровителей, защитников, звуки, способные отпугнуть приближающихся кэльэт. И весьма часто бубен использовался как музыкальный инструмент при исполнении плясок-пантомим, разных напевов и песен, отражающих настроение человека. Он не относился к семейным реликвиям, а значился просто предметом мужской принадлежности. Поэтому бубен никогда не получал никаких угощений, ни тем более жертвоприношений. Известно, что бубен и лук хоронили вместе с владельцем этих предметов, в то время как огнивая доска, жертвенное корытце оставались в жилище, числились принадлежностью домашнего очага, переходили к наследникам.

И в руках чукотских шаманов бубен оставался инструментом, средством звуковых воздействий на окружающих и на его «помощников» (животных, птиц) и средством передвижения (байдарой) шамана.

От побережья Ледовитого океана до р. Анадырь у чукчей были бубны эскимосского типа. Их устройство подробно описано.¹⁰⁹ У чукчей, живших южнее р. Анадырь, было два бубна: один — эскимосского типа (он описан В. Г. Богоразом), другой — корякского. Этот бубен отличался большими размерами, был круглой формы, имел широкую обечайку с металлическими погремушками, прикрепленными на внутренней ее стороне. Вместо рукоятки (у бубна эскимосского типа) имелись перекрещи-

¹⁰⁸ Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленых чукчей. — Сибирский этнографический сборник, II. М.—Л., 1957, с. 303.

¹⁰⁹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 61—62; Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, табл. 16, с. 466, табл. I, с. 476; с. 442.

вающиеся на середине с внутренней стороны ремешки, за которые бубен и поддерживался во время игры на нем.¹¹⁰ Бубен корякского типа использовался чукчами при шаманских камланиях, а эскимосский был *муикин*, т. е. праздничный, употреблявшийся при исполнении плясок-пантомим, личных песен, напевов. Чукчи, жившие к северу от р. Анадырь, пользовались одним бубном во всех случаях, но имели две разного вида и назначения колотушки.¹¹¹ Одна из них, *яяркыпленау'* (буквально — «инструмент или орудие для удара по бубну»), сделана из узкой полоски китового уса. Этот вид употребляется чукчами, когда бубен используется как музыкальный инструмент, для выражения настроений и аккомпанемента при исполнении напевов, песен. Держали ее в правой руке, сначала ударяли сжатой в кулак рукой по краю обечайки, в результате колотушка сгибалась и била по коже бубна. Получался двойной звук, сначала глухой, а затем более резкий. При этом бубен держали в левой руке под углом 30—45°. Другая колотушка называлась *эпчиит*. Это палка длиной 60—70 см, диаметром 2—4 см. Ею пользовались рядовые чукчи лишь во время *муин*, т. е. во время благодарственных служений, после осеннего забоя оленей. При этом бубен держали почти горизонтально на уровне рук, а колотушку держали за середину в правой руке и ударяли противоположными сторонами обечайки по концам колотушки. Происходило это путем ритмичного поворачивания рукоятки бубна то вправо, то влево и одновременного покачивания колотушки в том же ритме. Удары ее, приходявшиеся на края обечайки, и создавали вибрацию покрышки бубна нужной частоты и силы. Такими же колотушками пользовались и шаманы.¹¹² Итак, у чукчей бытовало два вида колотушек, имевших особые названия, два способа игры на бубне, заметно отличающиеся один от другого. Возникает вопрос, чем объясняется, что чукчи — в отличие от всех сибирских народов и даже в отличие от своих ближайших соседей коряков — имели бубен эскимосского типа, колотушку из китового уса, материала, который можно было добыть либо в результате морской охоты, либо получить от приморских жителей. По всей видимости, и бубен и колотушка этого типа заимствованы чукчами от эскимосов. От них же заимствована и сама манера игры на бубне, его использование в развлекательных целях, в качестве аккомпанемента при пении и плясках-пантомимах. Интересно, что сибирские эскимосы, по крайней мере в начале XX в., имели только деревянные колотушки. И пользовались бубном так: «Айваны, — писал Н. Ф. Калинин, — бьют в бубен тонкими деревянными палочками, несколько длиннее диаметра бубна. Взяв палочку за середину или за конец, они наносят удар по всему бубну сразу, и звук от этого получается однородный, глухо дребезжащий».¹¹³ И в настоящее время при использовании бубна в качестве музыкального инструмента, в частности в чукотско-эскимосском ансамбле «Эргырон», пользуются деревянной колотушкой. Однако эскимосское влияние прослеживается не только в этом.

Даже название плясок-пантомим — эскимосского происхождения. Так, по-эскимосски *пууг'ак'ук* — «танцевать без песен, делая движения руками, всем телом»; по-чукотски *пугурэн* — «пляска-пантомима», *пугурэк* — «исполнять пляску-пантомиму». Есть также не менее серьезные основания полагать, что ряд элементов, характерных для шаманства чукчей, заимствован ими от эскимосов. Чукчи, исполняя напевы, поль-

¹¹⁰ Вдовин И. С. Ваегские чукчи. — Сибирский этнографический сборник, IV. М., 1962, с. 160.

¹¹¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 62.

¹¹² Лавров И. П. Рисунки Оно, с. 123.

¹¹³ Калинин Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток, с. 107.

зуются теми же комбинациями звуков, что и эскимосы: я-ңа-а-ңа, яңа-я, я-ңа-ай, ңэ-йя и т. д. Сочетания ңа, аң; ңэ, эң встречаются во всех напевах и чукчей и эскимосов. Не от этих ли сочетаний звуков возникло у чукчей слово *эуэу-* (*ыльын*) (у коряков — *ауауыльын*) — «шаман, произносящий звуки эу-эу», «эң-эң-кающий»; *эуэуыткук* — «бить в бубен и петь», «петь под аккомпанемент бубна». Несомненно, это слово звукоподражательного происхождения. А у коряков-алюторцев и карагинцев, которые также испытали в своей этнической истории заметное влияние эскимосов, «напевать мелодию без слов» называется *ауау-так* (дословно — «следовать аң-аң», «повторять аң-аң»). Здесь тот же звукоподражательный характер слова *ауау* и производных от него. Впрочем, возможно и другое происхождение этого слова в чукотском и корякском языках. Это прямое заимствование из самого эскимосского языка с необходимой фонетической переработкой в соответствии с нормами данных языков. В языке эскимосов Гренландии шаман называется *ауакок*. Фонетическое сближение с чукотским *эуэу-* (*ыльын*) вполне допустимо.

По всей видимости, и происхождение названия бубна также звукоподражательного порядка: *ярар* — «бубен». Это подражание основному дребезжающему звучанию бубна, которое и выражено указанными сходными звуками языка. Корень этого слова общий для чукотского и всех диалектов корякского языка. Знаменательно, что в мифах чукчей нет никаких намеков, которые указывали бы на существование у них бубнов в период их континентального обитания, когда они были охотниками на диких оленей. Бубен и шаманы появляются в мифах лишь в связи с упоминаниями о приморском образе жизни, т. е. после того как чукчи пришли в непосредственное соприкосновение с эскимосами и их культурой. В сказке, которая называется «О бубне», рассказывается, как молодой чукча приобрел в приморском селении сначала бубен, а затем и напевы, которым обучила его местная женщина. «Запела один напев: „Этим посещай всю вселенную!“. Запела другой: „Этим разговаривай со всеми звериными духами!“. Запела третий напев: „Этим разговаривай со всеми надземными духами!“. Запела четвертый напев: „Этим разговаривай со всеми подземными духами!“. Запела пятый напев: „Этим побеждай всех враждебных шаманов!“. Шестой напев давал ему „птичью легкость, быстроту лебедя, полет чайки“. Когда он прилетел с бубном домой, отец сказал: „Ну, созовем народ — пусть послушает бубен“. Вытащил бубен. Застучал по бубну. При первом ударе обмирают, при следующем оживают. Не слышано до сей поры на земле. С тех пор стали на земле шаманы с бубнами».¹¹⁴ Показательно также то, что в других сказках бубен упоминается лишь в связи с шаманами.¹¹⁵ Очевидно, на первых порах бубен был атрибутом только шаманов. И лишь постепенно, много позднее он распространился широко и стал непременной принадлежностью каждой семьи. Заимствование чукчами бубна и всего, что связано с ним, у эскимосов, жителей морского побережья, подтверждается еще и тем, что чукотские шаманы бубен иносказательно называли *ы'твыт* — «байдара»,¹¹⁶ т. е. опять-таки фигурирует предмет чисто приморской культуры.

Вероятно, более древней была деревянная колотушка бубна, с ее особым способом применения. Видимо, по установившейся издавна традиции она использовалась лишь в случаях благодарственных служений по поводу удачных промыслов. До нас дошло ее применение главным образом после первого осеннего забоя оленей (*вылгыжаанмат*). Происходило это

¹¹⁴ Богораз В. Г. Материалы... с. 200—201.

¹¹⁵ Там же, с. 205, 207, 212, 217, 232, 415 и др.

¹¹⁶ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 123.

в августе, когда стадо после летнего выпаса возвращалось к месту летовки стойбища. Прежде в это время заканчивался осенний промысел диких оленей во время их перехода с севера на юг. И в том и в другом случае люди, удовлетворенные итогами промысла, хозяйственной деятельности за лето, выражали радость по случаю достигнутых успехов и одновременно благодарность предкам — всем, кто, по их представлениям, принес им благополучие.

К предметам, используемым только при отправлении зимнего жертвоприношения, относится особое копьё. Само оно не являлось объектом культа, приношений. Обычно хранилось в яранге в зачехленном состоянии. Лишь во время зимнего забоя оленей и жертвоприношения созвездие Пэгиттин (созвездие Орла) его извлекали и хозяин колол им предназначенного в жертву оленя. После этого копьё передавал сыну, тот вытирал его, надевал чехол и снова уносил в ярангу. Ни для каких других целей это копьё уже не употреблялось. Интересно проследить при этом порядок действий и поведение действующих лиц. Глава семьи (хозяин стада) сам ловил арканом избранного для жертвы оленя. Тут же передавал свободный конец аркана сыну, а сам, вооружившись копьём, обходил оленя несколько раз вокруг, постепенно приближаясь к нему, и затем быстрым и резким движением копья наносил удар под левую лопатку. Все это напоминало имитацию охоты. Из описаний XVIII в. известно, что зимою чукчи собирались большими партиями, окружали диких оленей, ловили их арканами и кололи копьями. Не воссоздавалась ли во время зимнего забоя оленей картина охоты и последующего жертвоприношения? Обычно чукчи при забое оленей пользовались ножом, а копьё применялось только в ритуальных целях.

Мало имеется материалов об общинных культах и культовых сооружениях чукчей. Наиболее многочисленные коллективы, состоящие из нескольких патриархально-семейных общин, были лишь среди оседлых. У оленеводов сплоченным хозяйственно и духовно коллективом была только патриархально-семейная община. Иногда в летнее время оказывались близкими соседями две или три патриархально-семейные общины. Их объединяло родство, добрые соседские отношения, элементы взаимопомощи. Они могли приносить жертвы реке или морю, собственно тем участкам, около которых они останавливались. Как увидим, они обычно использовали для этих целей жертвенные места оседлых чукчей, если располагались по соседству. Общинные культовые объекты более определены у морских охотников. Норденшельд, следуя на «Вега» с запада, восточнее м. Шелагского видел в одном месте множество черепов моржей, которые были расположены кольцом. В том же 1876 г. на м. Северном (ныне м. Шмидта), где тогда было 16 яранг чукчей, он обратил внимание на большое скопление черепов разных животных, находившихся на склонах возвышенностей, а также на «огромные груды костей, состоявшие частью из множества (в одном месте до 50) заросших лишайниками медвежьих черепов, расположенных вокруг мордами внутрь, частью из смешанных черепов оленей, белых медведей и моржей, составленных менее правильным кругом, в середине которого были сложены в кучу оленьи рога... кучи височных костей тюленей. По всей вероятности, эти груды костей являлись местами жертвоприношений, перешедшими по наследству...»¹¹⁷ Он не ошибся в своем предположении. Это действительно было старинное жертвенное место на м. Шмидта, которым, видимо, пользовались не только оседлые обитатели, но и приходившие на лето оленеводы. Такого же типа жертвенные места были

¹¹⁷ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», т. II, с. 89, 98, 99.

обнаружены Н. Н. Диковым на Ванкареме.¹¹⁸ В сел. Уэлен, как отметил В. В. Леонтьев, «есть жертвенное место Рытватлявыттэ — „поставленные головы“, где лежали черепа моржей и белых медведей, повернутые в сторону моржового лежбища у местечка Кэныпээн».¹¹⁹ Это же место было обследовано Н. Н. Диковым, который писал: «Несколько в стороне от могильного бугра, на задернованной поверхности выложено кольцо из хорошо сохранившихся медвежьих черепов».¹²⁰ Хорошая сохранность черепов — свидетельство не очень давнего их помещения на этом месте. В указанной статье В. В. Леонтьев отмечает, что «подобные жертвенные места с моржовыми головами имелись в Инчовыне, около старого поселка Утээн, Энурмино, на мысе Дженретлен». В сел. Аккани на горе, с которой вели наблюдение охотники за морем, находилась также куча черепов белых медведей, представлявшая собою ритуальное место акканийцев. В том же селении находилась вкопанная челюсть кита — предок основателей этого селения, защитник и покровитель всех его жителей. То же было в сел. Мечигмен и др. Около всех прибрежных селений, расположенных южнее Анадыря, находились камаки — жертвенные места, обозначенные кругами из выложенных крупных камней (*вывкамел*). Внутри таких кругов находились черепа морских млекопитающих, деревянные стрелы, остатки других орудий охоты (устное сообщение Н. М. Коравге). Оленеводы, выходявшие на лето к берегу моря, считали своим долгом непременно принести в жертву оленя этому месту (*камаку*). Правда, жертва адресовалась *аукакаанмат* («убить оленя в жертву морю»), чтобы получить от него взамен рыбу и морских животных. То же делали амгуэмские чукчи-олeneводы. На берегах рек, где они обычно проводили лето, у них были также камаки — жертвенные места, которые обозначались скоплением рогов оленей, принесенных в жертву.

В память о своих предках оленеводы создавали *тынмай* — «кучу рогов», которая ежегодно дополнялась потомками, пока они помнили о благодеяниях предка. Рога оленей символизировали угощение, а главное — пополнение стада предка. Однако не только рога оленей служили приношением предку. Уже упоминавшийся *тынмай* на о-ве Айон, по подсчетам зоотехников, содержал рога «более чем 1000 оленей».¹²¹ Кроме того, тут же были черепа «крупных хищников» и другие предметы. Это культовое место издавна посещалось всеми оленеводами, проводившими лето со своими стадами на острове. Они считали себя либо прямыми потомками, либо родственниками чукчи Кэккэн, который некогда тут был похоронен. По установившейся традиции, это место почитается чукчами и в настоящее время. В этом случае мы, видимо, имеем пример зарождения культа предка более широкого назначения, чем предок патриархально-семейной общины. В 1967 г. старики-олeneводы из поселков Кэпэрвээм и Островное, узнав, что В. В. Леонтьев едет к о-ву Айон, просили его бросить кусочки оленьего мяса и сала их предкам. «По рассказу старика Лёлейнына, на о-ве Айон похоронен их предок Кэккэн и вся Ылвыцэйская группа чукчей происходит от него. Эта группа чукчей сейчас проживает в Чаунском районе и частично в Билибинском в поселках Илирцэй, Кэпэрвээм и Островное».¹²² Это уже весьма значительное количество людей, признающих своим патроном одного предка.

Самым главным, важным и существенным в культах, их проявлении и выражении являются служение, жертва. В религиозной традиции чук-

¹¹⁸ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с. 131.

¹¹⁹ Леонтьев В. В. Этническая история поселка Уэлен, с. 90.

¹²⁰ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки, с. 126.

¹²¹ Тархов В. С. Древний памятник, с. 61.

¹²² Леонтьев В. В. Этническая история поселка Уэлен, с. 93.

чей жертвы выполняли основную роль в их отношениях и связях со всеми видами сверхъестественных существ. Просьбы, обращения сами по себе не имели никакого магического значения, если они не сопровождались материальными подношениями. Их произнесение лишь определяло то, что хотел получить человек, обращаясь к тому или иному сверхъестественному существу. Вообще всякая просьба, обращение чукчей начиналось словами: «На, возьми..., я даю тебе..., чтобы ты дал или сделал то-то...». Отсюда и значение жертвоприношений, многообразие их назначений и частое, почти повседневное применение. Вид жертвоприношения определялся тем, кому и по какому поводу предназначалась жертва, кормление (угощение).

По социальному значению жертвоприношения чукчей носили общинный, семейный и индивидуальный характер. Наиболее часто встречающимися были жертвоприношения семейные, что вполне согласовывалось с известной экономической и общественной самостоятельностью чукотской семьи во второй половине XIX и начале XX в. Кроме того, жертвоприношения чукчей были регулярными, совпадающими с определенными хозяйственно-промысловыми циклами и нерегулярными, случайными. Первые по давно установившейся традиции осуществлялись несколько раз в год. Учитывая, видимо, главным образом церемониальную сторону и развлекательно-спортивную часть, которыми непременно сопровождались все регулярные жертвоприношения чукчей, В. Г. Богораз называл их праздниками.¹²³ Это название прочно закрепилось в литературе о чукчах.¹²⁴ Однако оно не отражает содержания, существа этих народных традиций и поэтому неприложимо для определения понятия (названия) данных явлений. Главная их идея состояла не в увеселениях, а в том, чтобы отблагодарить «божества», покровителей, хозяев за полученную удачу в промыслах, в ведении оленеводства, за благополучие людей, чтобы снискать покровительство и успех в охоте, заручиться благорасположением на будущее. Правда, такие жертвоприношения сопровождались спортивными состязаниями, увеселениями, что являлось выражением радости по поводу исполненного долга, в связи с появлением уверенности, что жертвоприношение обеспечит благополучие людей в предстоящем сезоне. У чукчей оленеводов основные жертвоприношения начинались в августе (*выгыжаанмат*) перед началом перехода на зимние пастбища, когда забивались молодые олени, шкуры которых предназначались для зимней одежды; затем в январе — жертвоприношение созвездию Пэгиттин; в марте — после отделения важенок от остальной части стада; в мае — июне — после отела важенок (килвэй), перед переходом на летние пастбища оленей и на летовку части семьи, не принимающей участия в выпасе оленей.

У оседлых чукчей были свои поводы для регулярных жертвоприношений, при этом некоторые из них совпадали и по времени и по назначению с теми, какие были у оленеводов. Эти общие для всех чукчей культовые отправления были, очевидно, наиболее древними и сложились еще до выделения из общей массы охотников на дикого оленя той части, которая перешла к морскому зверобойному промыслу и оседлому образу жизни, позаимствовав от эскимосов многое из их материальной и духовной культуры.

Годовой цикл регулярных жертвоприношений у оседлых чукчей начинался в октябре, когда заканчивался летне-осенний сезон охоты: это

¹²³ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 71.

¹²⁴ Поляков. Чукотские праздники; Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей.

благодарственное жертвоприношение Кэрэткуну — хозяину морских зверей; ранней весной исполнялось жертвоприношение патриархально-семейными общинами (байдарными общинами) в связи со спуском на воду байдар и началом сезона охоты на моржей. По окончании этого промысла, в середине лета, осуществлялись жертвоприношения «головам моржей». В ноябре приносились жертвы морю для получения удачи в предстоящем зимнем сезоне охоты на тюленей. В. Г. Богораз отметил, что названные жертвоприношения («праздники») «проводятся почти одинаково у приморских чукоч и азиатских эскимосов».¹²⁵

Жертвоприношения по аналогичным поводам, которые бытовали среди оленеводов, были и у оседлых чукчей. Они также отмечали жертвоприношениями переход из зимних жилищ в летние, что соответствовало уходу пастухов со стадами на летние пастбища у оленеводов и переходу их семей в летние жилища, в которых они жили до осени. Оседлые чукчи отмечали появление созвездия Пэгиттин жертвоприношениями, как оленеводы, а весной устраивали приношения по случаю окончания отела важенок (килвэй), хотя сами уже не были связаны с оленеводством и даже не имели своих оленей. В этом сказывалось сознание связи оседлых чукчей в не очень далеком прошлом с охотниками на дикого оленя,¹²⁶ а некоторых семей — с оленеводством. Все эти жертвоприношения отмечены и описаны В. Г. Богоразом.¹²⁷

Нерегулярные жертвы чаще всего приносились отдельными семьями, отдельными лицами перед выездом в дальнюю дорогу, в случае болезни кого-нибудь из членов семьи, долго не прекращающейся непогоды, в случае переезда на новое место жительства, в случае смерти кого-нибудь из близких, неожиданного бедствия (падеж оленей, наводнение, унос на льдине в море охотника), а также в результате удачной охоты, благополучно закончившегося длительного и трудного путешествия и т. п.

Для более правильной оценки сущности природы и значения жертвоприношений у чукчей целесообразно расклассифицировать их по ряду признаков, которые определяются религиозными представлениями и соответствующими их культами, бытовавшими прежде и отчасти бытующими еще теперь. По социальной функции жертвоприношения были общинными, семейными и индивидуальными или личными: по периодичности — регулярными и нерегулярными. У чукчей бытовало несколько видов жертвоприношений: 1) оленей и собак (кровавые жертвоприношения); 2) голов добытых сухопутных и морских животных; 3) предметов, преимущественно частей оружия (наконечники стрел, копий, ножи, патроны, гильзы), ремней, нарт, байдар и т. п.; 4) бус и бисера. Значительно большее место в жертвоприношениях занимали обычные продукты питания животного и растительного происхождения, табак и продукты неместного производства. Жертвоприношения также делились по назначению: благодарственные, умиловительные, искупительные, обусловленные и жертвоприношения за избавление от болезни, спасение от неминуемой гибели. Классификация жертвоприношений может быть проведена и по приемам их отправления, как это принято у чукчей. Способы связей человека с культовыми объектами были разными, все зависело от того, кому предназначалась жертва, поэтому терминология, обозначавшая эти отношения, была тоже разной. В чукотском языке существует несколько наименований жертвоприношений. Общее — *таароуык* — «приносить жертву (вообще)», «преклоняться», «заискивать перед предком», «милостиво просить», «благодар-

¹²⁵ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 84.

¹²⁶ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, с. 9—15.

¹²⁷ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 85—94.

рять за успех в промысле», «лебезить», «угодничать», «прислуживать богатому оленеводу», «подхалимничать». Отдельные, специального назначения: 1) *энанэгыткогыргын* (от *ринтык* — «бросать», «кидать») — разбрасывать пищу всем невидимым существам, находящимся на всех главных направлениях, а также и на землю; 2) *энагрэтятгыргын* (от *ритрилык* — «класть», «отпускать») — давать пищу предкам, тэнантомгэты («Творцу»), чтобы послал удачу на промысле, или Наргынэнагты (Природе, Наружному пространству), чтобы сохранилась хорошая погода, чтобы не изменилось направление ветра (что важно было для морских охотников, особенно зимой); 3) *энанкаажыгыргын* («кормить», «угощать костер») — через костер угощать предков, «Творца» и т. п.; 4) *энанжымлёкыгыргын* — кормить тайныквыт — семейных и личных охранителей, которые получали только мозг из ног оленя или жир; 5) *инэтлет* — приносить жертву за спасение, платить шаману за благоприятный исход лечения; 6) *энагватгыргын* (от *-тваг* — «предварительно сказать», «обещать») — обусловленное жертвоприношение, исполняемое лишь в случае благополучного для человека исхода какого-нибудь предприятия, дела, события и т. п.

Общинные жертвоприношения обычно носили регулярный характер. Так, у оленеводов они были связаны с началом и окончанием определенных хозяйственно-производственных циклов, у приморских охотников — промысловых сезонов. Все они довольно подробно описаны в уже неоднократно упоминавшихся работах В. Г. Богораз-Тана и В. Г. Кузнецовой. Нам остается дополнить сведения указанных авторов некоторыми подробностями и нашей интерпретацией.

Ряд жертвоприношений семейных и общинных был общим для оленеводов и приморских охотников. Таково жертвоприношение созвездию Пэгиттин. Его совершали, когда отмечалось зимнее солнцестояние, и после отела оленьих самок (килвэй). Жертвоприношение унаследовано приморскими чукчами от того времени, когда они еще не были морскими зверобоями, занимались сухопутной охотой, преимущественно на диких оленей. Еще в XVIII в. в жизни оседлых чукчей охота на диких оленей имела весьма важное значение.¹²⁸ Поэтому они не успели оторваться от традиций прошлого, не утратили связи с соответствующими представлениями и культами. В свою очередь, бедные оленеводы не могли существовать за счет имеющихся у них оленей, вынуждены были почти систематически заниматься морским зверобойным промыслом. Вероятно, поэтому в их верованиях оказались представления, известные оседлым чукчам, а также жертвоприношения, связанные с культами моря и морских «существ».

Жертвоприношения патриархальных общин оленеводов и байдарных общин приморских охотников содержат наиболее древние представления, уходящие своими корнями в глубокое прошлое, когда жизнь чукчей всецело зависела от охоты на диких оленей. Именно такие жертвоприношения сохраняют довольно сложный и строгий порядок их отправления, сопровождаются театрализованными действиями (пантомимами), изображающими отдельные моменты промысловых процессов, работы в стаде домашних оленей, вероятно имевшие магическое назначение. Может быть, поэтому они называются по-чукотски *лыгэгаароугыргыт* — «исконные», «настоящие», «действительные», «известные» жертвоприношения. Чукчи выделяют их как самые важные, главные. К ним относятся *вылгыжаанмат* — «убой тонкошерстных оленей», жертвоприношения созвездию Пэгиттин и после отела важенок (килвэй). Все они связаны с ре-

¹²⁸ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей, с. 12—15.

шающими в жизни охотников сезонами промысла, которые обеспечивали запасами продовольствия, необходимыми материалами (шкурами) для одежды, обуви и жилища.

Перед началом забоя тонкошерстных оленей заготавливают (обязательно рвут руками) некоторое количество веток ивы, приносят чистую воду. Хозяин ловит телочку пестрой масти, ловит производителя, и закалывают их одновременно. На морды льют воду, чтобы олени не знали недостатка в воде, кладут под головы ивовые ветки, чтобы у них всегда был корм. Шкура телки идет на *кэркэр* (комбинезон) жене. Она разделяет телку, тогда как производителя разделяют другие женщины. Мясо телки варят, вынимают из котла, остужают и кладут на мездровую сторону ее шкуры. Туда же кладут три ноги, а четвертую, переднюю ногу, привязывают к одной из жердей остова яранги. Закрываются входное и дымовое отверстия. Мужчина берет в руки бубен, деревянную колотушку и под аккомпанемент бубна поет свою песню. Ему подпевают женщины. Это *музгыргын* — «молитвенное» песнопение, предназначенное, сопроводить отделившуюся от тела оленя жизненную силу (то, что придает организму жизнеспособность, содержит его «душу») в стадо верхнего народа, «предков» — *гыргограмкыуалвыльэты*. Одного мужчину сменяет другой, причем каждый поет свою песню. Перед тем как закрыть наглухо вход и дымовое отверстие, хозяин с сыном идут с мелко нарезанным мясом и листовкашей из ивы вокруг яранги посолонь, разбрасывают мясо и листовкашу во все стороны и кричат при этом: «Огой, огой!». Это для отпугивания кэльэт.

После того как откроют вход и дымовое отверстие, кормят мозгом из ног оленя домашних охранителей, деревянное огниво и костер. Нога теленка остается некоторое время привязанной, чтобы олени «не ушли, не потерялись». Кровью, обязательно первыми «живыми» каплями, делают помазание детей хозяина, для того чтобы скрыть, замаскировать их от злых существ (кэльэт), чтобы они были счастливы, имели во всем удачу. Вечером, когда ночные пастухи уйдут в стадо, взрослые и дети лягут спать, у костра с бубном в руках остается девушка. Она не спит всю ночь, тихо ударяя по бубну, поет свою песню, усыпляет отправившуюся наверх жизненную силу телки.

У приморских охотников *вылгықаанмат* соответствует жертвоприношение по случаю окончания весенне-летнего сезона промысла морских зверей. Кроме жертвоприношения направлениям, перед головами моржей исполнялись семейные напевы под бубен. Мужчины также обходили вокруг яранги с возгласами: «Його, його!». Назначение их было отпугнуть кэльэт. Интересно, что обрядовое пение и пляски, расположение в яранге мужчин и женщин были такими же, как у оленеводов. Мужчина с бубном стоял спиной ко входу, перед ним на шкурах — головы, а напротив — пляшущие женщины лицом ко входу. Затем хозяин яранги и сын его выходили наружу, чтобы сделать жертвоприношение направлениям. По возвращении приносивших жертву «к длинному ремню подвязывают самую большую моржовую голову, и все мужчины (члены байдарной общины, — И. В.) берутся за ремень, представляя, что они тащат пойманного моржа».¹²⁹ В конце всех церемоний участвующие в них, в том числе дети, стряхивали с себя болезни и несчастья в костер или на огонь жировой лампы, — опять так же, как у кочевых чукчей. Итак, жертвоприношение у оленеводов закреплялось магическими действиями с ногой оленя, у приморских — с головами моржей. Однако и в том и в другом случае

¹²⁹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 99.

люди руководствовались одной и той же идеей — заполучить, удержать добычу.

Килвэй — жертвоприношение по случаю окончания отела оленьих самок — следует отнести также к наиболее древней традиции. Это приношение жертв сопровождалось рядом магических действий (пантомим), направленных на восстановление стада оленей, на их благополучие в предстоящем сезоне и на то, чтобы они были подвластны человеку. В этой связи уместно воспроизвести некоторые детали, сопутствовавшие этому жертвоприношению. К весне рога оленей падают, последними теряют их важенки. Скапливается значительное количество рогов. Их собирали и в назначенный день складывали в кучу на ивовые ветки, так как ива — основной летний корм оленей. Складывали рога на северной стороне недалеко от яранги. Вообще все действия, связанные с представлениями о потустороннем мире, — в том числе кровавые жертвоприношения, приношения предкам, — производились на северной стороне за ярангой (вход ее всегда был обращен на юго-восток). На рога также набрасывали ивовые ветки. Чем больше было собрано рогов в кучу, тем больше рассчитывали получить оленей на будущий год. Обкладывая рога ветками ивы, как бы снабжали оленей кормом. Поверх ивовых веток клали шкурки павших телят. Сложив рога, их обводили кругом арканом, чтобы олени в будущем не разбегались, были послушны человеку. Затем выносили огонь из домашнего очага (на куске дерна) и клали его перед кучей рогов (между ярангой и рогами), шли в ярангу (обязательно посолонь) за жертвенными корытцами. Их было три. В одном находилась листокваша из ивы (заготовки прошлого года), в другом — костный жир, в третьем — отварное мясо. Женщины делали смесь из этих продуктов и клали ее в костер, «чтобы в будущем было все благополучно с домашним очагом». Такую же смесь давали хозяину яранги в его жертвенном корытце. Обходя ярангу кругом, начиная с востока, он разбрасывал эти продукты всем направлениям. Затем жители стойбища становятся полукругом за кучей рогов, как бы окружая их. Женщины начинают бросать листоквашу из ивы на рога и шкурки телят, «чтобы корма для оленей были в достатке, чтобы олени не знали нужды в кормах», «чтобы на будущий год телята во время рождения не гибли». Мой информант Кэвэв заметил при этом, что у чукчей зеленый цвет — цвет жизни. Потом на рога и на шкурки бросали костный топленый жир (из второго корытца), чтобы олени были жирными (*ныгынкэв валъыт*). Всем присутствующим женщины давали по кусочку мяса (из третьего корытца), смазанного жиром. Это угощение как бы символизировало результат летних трудовых усилий по выпасу оленей, когда все будут сыты, будут питаться вкусным жирным мясом. Забрав освободившуюся посуду, женщины возвращались в ярангу, опять по ходу солнца. Там брали мясо и жир и снова шли на северную сторону яранги, выбирали сухое чистое место, нарезали мелкими кусочками мясо и жир, и каждый присутствующий при этом брал щепотку смеси и клал от себя в общую ямку, которую потом прикрывали травой. Это угощение вообще всем предкам, всем, кто умер. Затем крошили продукты (галеты, сахар, чай и т. п.), также брали по щепотке и клали в другую ямку. И это также предназначалось всем предкам. Во время данного приношения у предков не просят ничего, их просто угощают, кормят. Возвращались в ярангу опять посолонь. Перед уходом снимали аркан, а рога из кучи разбрасывали, как бы выпуская на пастбище оленей. В яранге все угощались свежим мясом, а затем начиналось веселье, оно заключалось в состязаниях (гонки на оленях, пеший бег, борьба). По мнению современных чукчей, веселье после жертвоприношений было выражением надежды на неперменное благополучие в будущем,

радости по случаю правильно исполненного обряда. С некоторыми изменениями и сокращениями килвэй отмечается оленеводами Чукотки и в настоящее время.

Оседлые чукчи тоже приносили по случаю килвэй жертвы, только вместо рогов складывали в кучу сучья, палочки, разводили костер и клали в соответствующем порядке жир и мясо.

Интересно, что кочевые и оседлые чукчи во время регулярных жертвоприношений, одновременно с приношениями главному объекту поклонения, непременно угощали предков данной семьи, семейных охранителей, деревянное огниво. Выполняли это женщины. При этом соблюдался определенный порядок, очередность получения жертвы (угощения) культовыми объектами. У прианадырских чукчей, когда жертва состояла из продуктов, бытовал такой порядок: сначала угощали семейных охранителей (тайныквыт), из них в первую очередь символические изображения предков, потом — деревянное огниво, и только после этого через огонь костра направлялась пища (мясо и жир) Природе (Наружному пространству), «Творцу» и предкам вообще. Затем, выйдя на улицу, посолонь, начиная с Рассвета, угощали все направления, включая и Север. Вообще при всех жертвоприношениях, по какому бы поводу они ни устраивались в семье, семейные охранители и деревянное огниво обязательно присутствовали и обязательно получали свою долю. Лишь после этого семья могла приступить к еде. Таким образом, семейные охранители, которые состояли главным образом из предков, получали угощение в первую очередь, как самые близкие, непосредственные покровители очага, жилища и его обитателей.

Жертвоприношения чукчей были экономными и даже скупыми. Они не отличались щедростью в этом отношении, что обуславливалось их представлениями. Они почти никогда не оставляли тушу и шкуру убитого в жертву оленя. Объект жертвоприношения получал лишь несколько капель крови, «душу» жертвы, тогда как мясо съедалось людьми. Только в том случае, когда приносилась в жертву собака, труп ее оставлялся на месте, хотя кровь ее также разбрызгивалась по всем направлениям и применялась для оградительных помазаний внешних стен шатра. Мясо, жир, предназначавшиеся для жертвоприношений, очень мелко крошились. Чем мельче, тем лучше. Дозы, приносимые в жертву, составляли всего несколько граммов, обычно маленькую щепотку. При этом чукчи исходили из представления, что «там» все это превратится в большое количество, вполне достаточное, чтобы насытить всех предков, удовлетворить вполне те существа, которым адресуются жертвы. Считалось даже недопустимым бросать в жертву крупные куски мяса и жира, так как «там» они превратятся в очень маленькие и поэтому будут приняты как знак неуважения, насмешка, за что непременно последует наказание. Логика таких суждений вытекала из представления, будто попадающие в потусторонний мир предметы приобретают качественные и количественные значения, противоположные тем, какие у них были на земле. Например, ломаные вещи превращаются в целые и исправные, белый цвет погребальной одежды — в темный и т. п.

Регулярные жертвоприношения оседлых чукчей наиболее отчетливо совершались в рамках патриархально-семейной общины, одновременно являвшейся производственно-охотничьим коллективом, который объединялся вокруг байдары — основного средства охоты (байдарная община). Все отправления такого порядка начинались и проводились в жилище главы общины. У него собирались и хранились предназначавшиеся для жертвоприношений головы моржей, в его личной яме хранилось мясо кита, добытого при его участии и под его руководством. Он был распоря-

дителем этого мяса, но он же обязан был организовать и провести благодарственное жертвоприношение морю, предкам, кормить в течение нескольких дней всех членов общины, вообще всех гостей, устроить развлечения, состязания, выставить соответствующие призы и т. п. Все жертвоприношения от имени общины делал глава ее.¹³⁰ Вместе с тем каждый член общины в назначенный день приходил со своим жертвенным корытцем, наполненным пищей, все они вместе с главой общины шли к морю, и каждый из них приносил жертву от своего имени — и в то же время все вместе. Кстати, в таких жертвоприношениях, последующих трапезах и развлечениях принимали участие только мужчины — члены байдарной общины. Женщины приглашались лишь для того, чтобы готовить пищу для мужчин. В сел. Лорино, где мне удалось наблюдать в 1932 г. (частично) такое жертвоприношение в общине, возглавляемой чукчей Тмувье, угощения, развлечения, организованные им, закончились поднесением ему подарков членами общины, а также присутствующими посторонними гостями. Подарки состояли из разных предметов, тут были шкуры тюленя, ремни, отрез ситца, табак, кисет, чай и даже деньги. Это гости и родственники по обычаю благодарили старшего и хозяина за угощения и «расплачивались» за развлечения, призы. По-видимому, и в жертвоприношениях морю, предкам, и в расплате с главой общины заложена одна и та же идея: никто и ничего не делает и не дает без отблагодарения, без возмещения. Жертвоприношениями выражалась благодарность морю, покровителям предкам за успешные промыслы в летне-осенний сезон, а Тмувье был непосредственным «покровителем» их материального благополучия, организатором охоты, он лучший охотник на китов, он снабдил их мясом, обеспечил запасом на зиму, в случае нужды он выручит их из своих запасов. К нему благосклонно относятся «божества» моря, они посылают ему китов, он за это приносит им жертвы — расплачивается, он выступает в роли посредника между морскими «божествами» и членами своей общины. И в этой связи он возвышался над сородичами, что упрочивало его и так высокий авторитет еще больше. Подобный обряд жертвоприношений общины морю и предкам наблюдал Свердруп в сел. Энмыльын у мыса Беринга, где «около 20 чел., вероятно по одному представителю от каждой юрты, двинулись гуськом к стрелке мыса, неся каждый под мышкой небольшую деревянную миску с нарезанной на мелкие куски пищей... На косе они бросили пищу в море и пошли опять гуськом обратно. Во второй раз они дошли только до низкого холмика в небольшом расстоянии от юрт и выбросили там содержимое своих мисок».¹³¹

Патриархально-семейные, или байдарные, общины совершали жертвоприношения по поводу спуска на воду байдар, чем знаменовалось начало сезона охоты на море по открытой воде. Были и другие жертвоприношения, в которых участвовала вся община.

К нерегулярным жертвоприношениям чаще всего прибегали семьи, отдельные лица и весьма редко община.

Индивидуальные и семейные жертвоприношения обуславливались личными просьбами и надеждами, выражали благодарность. Они могли предназначаться «Творцу», Зениту, Полярной звезде, предкам, вообще всем культовым объектам. Например, в сел. Уэлен первый кусок мяса и жира от только что добытого зверя давался охотником Калъаквын охранителю патриархально-семейной общины. В том же селении каждый

¹³⁰ О некоторых подробностях, касающихся этого жертвоприношения, см.: Самарин Я. Ф. На Чукотке. — На рубеже, Хабаровск, 1935, № 8, с. 92—94.

¹³¹ Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»..., с. 320.

радости по случаю правильно исполненного обряда. С некоторыми изменениями и сокращениями килвэй отмечается оленеводами Чукотки и в настоящее время.

Оседлые чукчи тоже приносили по случаю килвэй жертвы, только вместо рогов складывали в кучу сучья, палочки, разводили костер и клали в соответствующем порядке жир и мясо.

Интересно, что кочевые и оседлые чукчи во время регулярных жертвоприношений, одновременно с приношениями главному объекту поклонения, непременно угощали предков данной семьи, семейных охранителей, деревянное огниво. Выполняли это женщины. При этом соблюдался определенный порядок, очередность получения жертвы (угощения) культовыми объектами. У прианадырских чукчей, когда жертва состояла из продуктов, бытовал такой порядок: сначала угощали семейных охранителей (тайныквыт), из них в первую очередь символические изображения предков, потом — деревянное огниво, и только после этого через огонь костра направлялась пища (мясо и жир) Природе (Наружному пространству), «Творцу» и предкам вообще. Затем, выйдя на улицу, посолонь, начиная с Рассвета, угощали все направления, включая и Север. Вообще при всех жертвоприношениях, по какому бы поводу они ни устраивались в семье, семейные охранители и деревянное огниво обязательно присутствовали и обязательно получали свою долю. Лишь после этого семья могла приступить к еде. Таким образом, семейные охранители, которые состояли главным образом из предков, получали угощение в первую очередь, как самые близкие, непосредственные покровители очага, жилища и его обитателей.

Жертвоприношения чукчей были экономными и даже скупыми. Они не отличались щедростью в этом отношении, что обуславливалось их представлениями. Они почти никогда не оставляли тушу и шкуру убитого в жертву оленя. Объект жертвоприношения получал лишь несколько капель крови, «душу» жертвы, тогда как мясо съедалось людьми. Только в том случае, когда приносилась в жертву собака, труп ее оставался на месте, хотя кровь ее также разбрызгивалась по всем направлениям и применялась для оградительных помазаний внешних стен шатра. Мясо, жир, предназначавшиеся для жертвоприношений, очень мелко крошились. Чем мельче, тем лучше. Дозы, приносимые в жертву, составляли всего несколько граммов, обычно маленькую щепотку. При этом чукчи исходили из представления, что «там» все это превратится в большое количество, вполне достаточное, чтобы насытить всех предков, удовлетворить вполне те существа, которым адресуются жертвы. Считалось даже недопустимым бросать в жертву крупные куски мяса и жира, так как «там» они превратятся в очень маленькие и поэтому будут приняты как знак неуважения, насмешка, за что непременно последует наказание. Логика таких суждений вытекала из представления, будто попадающие в потусторонний мир предметы приобретают качественные и количественные значения, противоположные тем, какие у них были на земле. Например, ломаные вещи превращаются в целые и исправные, белый цвет погребальной одежды — в темный и т. п.

Регулярные жертвоприношения оседлых чукчей наиболее отчетливо совершались в рамках патриархально-семейной общины, одновременно являвшейся производственно-охотничьим коллективом, который объединялся вокруг байдары — основного средства охоты (байдарная община). Все отправления такого порядка начинались и проводились в жилище главы общины. У него собирались и хранились предназначавшиеся для жертвоприношений головы моржей, в его личной яме хранилось мясо кита, добытого при его участии и под его руководством. Он был распоря-

дителем этого мяса, но он же обязан был организовать и провести благодарственное жертвоприношение морю, предкам, кормить в течение нескольких дней всех членов общины, вообще всех гостей, устроить развлечения, состязания, выставить соответствующие призы и т. п. Все жертвоприношения от имени общины делал глава ее.¹³⁰ Вместе с тем каждый член общины в назначенный день приходил со своим жертвенным корытцем, наполненным пищей, все они вместе с главой общины шли к морю, и каждый из них приносил жертву от своего имени — и в то же время все вместе. Кстати, в таких жертвоприношениях, последующих трапезах и развлечениях принимали участие только мужчины — члены байдарной общины. Женщины приглашались лишь для того, чтобы готовить пищу для мужчин. В сел. Лорино, где мне удалось наблюдать в 1932 г. (частично) такое жертвоприношение в общине, возглавляемой чукчей Тмувье, угощения, развлечения, организованные им, закончились поднесением ему подарков членами общины, а также присутствующими посторонними гостями. Подарки состояли из разных предметов, тут были шкуры тюленя, ремни, отрез ситца, табак, кисет, чай и даже деньги. Это гости и родственники по обычаю благодарили старшего и хозяина за угощения и «расплачивались» за развлечения, призы. По-видимому, и в жертвоприношениях морю, предкам, и в расплате с главой общины заложена одна и та же идея: никто и ничего не делает и не дает без отблагодарения, без возмещения. Жертвоприношениями выражалась благодарность морю, покровителям предкам за успешные промыслы в летне-осенний сезон, а Тмувье был непосредственным «покровителем» их материального благополучия, организатором охоты, он лучший охотник на китов, он снабдил их мясом, обеспечил запасом на зиму, в случае нужды «он выручит их из своих запасов. К нему благосклонно относятся «божества» моря, они посылают ему китов, он за это приносит им жертвы — расплачивается, он выступает в роли посредника между морскими «божествами» и членами своей общины. И в этой связи он возвышался над сородичами, что упрочивало его и так высокий авторитет еще больше. Подобный обряд жертвоприношений общины морю и предкам наблюдал Свердруп в сел. Энмыльын у мыса Беринга, где «около 20 чел., вероятно по одному представителю от каждой юрты, двинулись гуськом к стрелке мыса, неся каждый под мышкой небольшую деревянную миску с нарезанной на мелкие куски пищей... На косе они бросили пищу в море и пошли опять гуськом обратно. Во второй раз они дошли только до низкого холмика в небольшом расстоянии от юрт и выбросили там содержимое своих мисок».¹³¹

Патриархально-семейные, или байдарные, общины совершали жертвоприношения по поводу спуска на воду байдар, чем знаменовалось начало сезона охоты на море по открытой воде. Были и другие жертвоприношения, в которых участвовала вся община.

К нерегулярным жертвоприношениям чаще всего прибегали семьи, отдельные лица и весьма редко община.

Индивидуальные и семейные жертвоприношения обуславливались личными просьбами и надеждами, выражали благодарность. Они могли предназначаться «Творцу», Зениту, Полярной звезде, предкам, вообще всем культовым объектам. Например, в сел. Уэлен первый кусок мяса и жира от только что добытого зверя давался охотником Калъаквын охранителю патриархально-семейной общины. В том же селении каждый

¹³⁰ О некоторых подробностях, касающихся этого жертвоприношения, см.: Самарин Я. Ф. На Чукотке. — На рубеже, Хабаровск, 1935, № 8, с. 92—94.

¹³¹ Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»..., с. 320.

Жертвы благодарственного назначения давались направлениям по приходе стада с летовки,¹³⁸ по случаю добычи дикого оленя в стаде домашних оленей жертвы приносились коlobками пререма (толченого мяса, смешанного с жиром).¹³⁹ Чукотское предание (объяснение) гласит, что в скале около Уэлена жил некогда огромных размеров горноста́й. Он поедая морских животных и диких оленей, наконец стал нападать на жителей селения. Жившая в Уэлене старушка вызвала собаку-великана, которая схватила горноста́я и снова ушла в скалу. Якобы с тех пор и начали жители Уэлена приносить к подножию скалы в дар этой собаке мясо морских животных.¹⁴⁰ За то, что волк помог найти убежавшее стадо, пастух принес ему в благодарственную жертву неплодую важенку.¹⁴¹ Уже говорилось о регулярных жертвоприношениях по случаю появления месяца, они носят откровенно благодарственный характер. Того же порядка жертвоприношения созвездия Пэгиттин, все виды мнэгыргын — благодарственных приношений по случаю добычи крупного зверя.

Не менее разнообразными были жертвоприношения умиловительного назначения. В основном они носили случайный характер. Такого приношение месту, особенно часто повторявшееся во время перекочевков на летние пастбища (*тагрытылама* — «во время спуска с гор»). Каждый вечер, как только устанавливалась яранга, женщины разводили перед входом костер и бросали в него жертву из продуктов в знак поощрения огня к охране людей, оленей и жилища на этом месте.¹⁴² Чукча, отправляющийся на охоту или на рыбную ловлю, приносил в жертву данной местности часть из своих запасов провизии. На суше он раскидывал по сторонам свое приношение, на реке или на озере бросал в воду.¹⁴³ Вообще всякое переселение, хотя бы и временное, обязательно сопровождалось умиловительными жертвоприношениями новому месту (хозяйину), особенно промысловым угодым. Так, оленеводы, выйдя на лето к берегу моря или реки, приносили в жертву оленей в расчете на получение хорошего улова рыбы, богатого промысла морских млекопитающих. Такого рода приношения отмечены в трудах многих авторов, непосредственно наблюдавших жизнь чукчей.¹⁴⁴

В. Г. Богораз относил к «жертвоприношениям для получения удачи» «предоставление питья и подстилки» убитому зверю.¹⁴⁵ По нашим наблюдениям, всякому добытому крупному зверю, забитому домашнему оленю давали пить, поливая рот водой, а также клали под голову ивовые ветки — любимый корм оленей. Это — питье и питание в дорогу на «тот свет». Видимо, с отношения к добытому оленю — главному источнику существования людей в прошлом — эта традиция была перенесена и на такую случайную добычу, как медведь, волк, и даже на морских животных. Относить данный обычай к жертвоприношениям, вероятно, нет оснований, так же как нет оснований считать жертвоприношениями продукты и предметы, которые кладут вместе с покойником. Назначение снабжения продуктами и в том и в другом случае — одно и то же. Оно

¹³⁸ Там же, с. 75—76.

¹³⁹ Богораз В. Г. Материалы..., с. 143—144.

¹⁴⁰ Там же, с. 281.

¹⁴¹ Там же, с. 379; см. также с. 239, 285.

¹⁴² Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 79.

¹⁴³ Там же, 79, 84, 85, 98.

¹⁴⁴ Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода, с. 93; Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега», с. 224; Калинин Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток, с. 106; Свердруп Г. У. Плавание на судне «Мод»..., с. 302, 321; Кавелин Е. В стране анкалин и чауча, с. 100, и др.

¹⁴⁵ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 79.

определялось общими представлениями чукчей, идеей продолжения жизни после физической смерти на земле.

Цель искупительных жертвоприношений — получение прощения за неправильные деяния по отношению к какому-нибудь «божеству», например «Творцу», Природе; они вызывались также раскаянием за недоброжелательно (в гневе) сказанные слова, направленные в ущерб своему хозяйству, собственной жизни. Так, один чукча во время приступа болей, появившихся в результате болезни, вслух заявил о том, что он хочет принять добровольную смерть. Однако, почувствовав облегчение, он отказался от объявленного решения. По мнению чукчей, его голос был услышан «божеством жизни» (*ягтачвагырга*), Внешним пространством, Природой (*Наргынэната*). Поэтому нужна была искупительная жертва. Ею могло быть что-нибудь самое дорогое, например упряжка оленей. При этом отказавшийся от исполнения ранее объявленного желания говорил: «Вот мое тело! Я безумно говорил!». Принесением жертвы он как бы выкупал «напрасно сказанные слова».¹⁴⁶ Или другой пример. Пастух Айчанват, измученный неповиновением оленей, которые весной разбегались в разные стороны в поисках зеленого корма, «заговорил безумно», сказал: «Волки, сюда! Бросьтесь! Съешьте!». Вспоминая об этом, он говорил: «Потом дорого выкупил сказанное, убил несколько оленей и в том числе любимого прыгового быка». Кстати, он пояснил при этом, что к «волку» и к «злому духу» (*кэле*) совершенно одинаково относятся олениводы.¹⁴⁷

Особый разряд составляли обусловленные жертвоприношения. Они исполнялись лишь в том случае, когда благополучно заканчивалось заявленное человеком желание, дело, промысел и т. п. Такого рода жертвоприношения были довольно обычными. Они с особой очевидностью свидетельствуют о договорном характере отношений чукчей со своими «божествами» — покровителями. Не слепое почитание их, не просто надежда на благодеяние, не трепетное вымаливание его, а получение за обещанное вознаграждение. Вот принцип, на котором строились отношения человека с «вышними» существами — «Творцом», Окружающей природой, но не с предками. В том случае, если желаемого (просимого) человек не получал, он не давал ничего соответствующему «божеству», с которым вступал в «договорные» отношения. В подобных ситуациях чукча чувствовал себя независимым, находился в равноправных отношениях с существами, обладающими таинственной возможностью удовлетворять человеческие желания, нужды, потребности. Поскольку эти существа были человекоподобны, им свойственно было все человеческое, в том числе желание иметь хороших оленей, есть вкусное, жирное мясо. В конце XIX в. произошел такой случай. Чукча оленивод был убит в стаде своим соседом по стойбищу. Тело его, расчлененное на части, было закопано в разных местах. Жена и дети, не дождавшись его возвращения из стада, заподозрили неладное. Тогда они надели собаке серьги на уши и обещали ее принести в жертву Наргынэн, если он поможет отыскать покойника. Собака, конечно, отыскала части покойника. Обещание было выполнено. Аналогичные примеры приводились уже выше.

У чукчей принято было помечать обещанных животных особыми знаками: крашеной тюленьей шерстью или просто кусочками красной материи. Их привязывали к ушам собаки, оленя. Это было обозначением животного, обещанного соответствующему существу. Ни для каких других целей таких животных употреблять уже было нельзя.¹⁴⁸ Они у чукчей на-

¹⁴⁶ Богораз В. Г. Материалы..., с. 56.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 83.

зывались *тывьёт* — «обетные», а сам обычай — *энаватгыргын* — «обещание», «обет».

Довольно распространенным было жертвоприношение за избавление от неминуемой гибели или серьезной опасности для здоровья, жизни. Оно предназначалось тем существам, которые, по мнению чукчей, спасли их. Обычно эти «божества» сами назначали гонорар за спасение. Так, Полярная звезда, избавившая женщину от преследований кэле, говорит ей, показывая на землю: «Там живет твой отец, богатый оленевод. Белую петель я хочу, она мое давнее желание. У меня нет таких. И быка производителя пестрого, а другого — одна нога белая». По возвращении к отцу женщина передала ему желание Полярной звезды. Все было исполнено, как она просила.¹⁴⁹ Такое жертвоприношение называется по-чукотски *инэглэйт*.

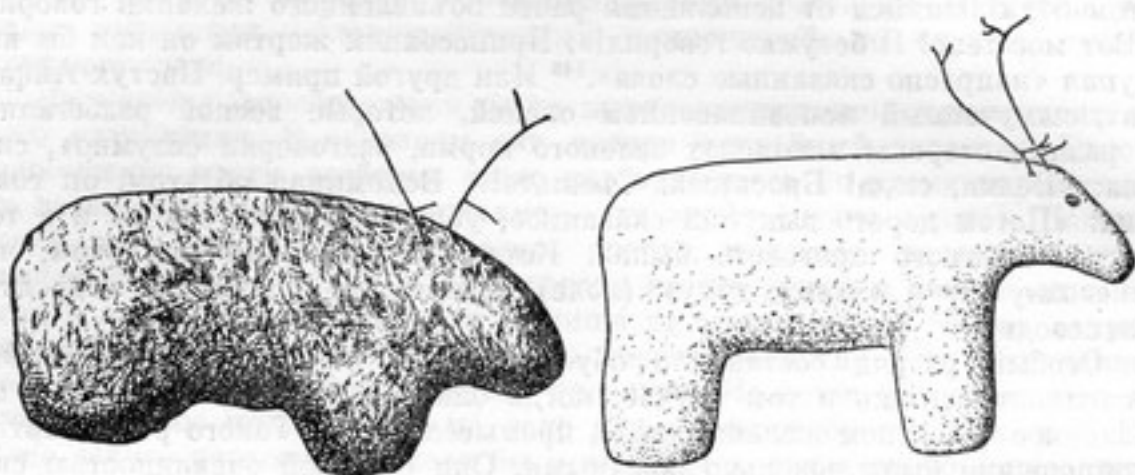

Рис. 14. Заменители жертвенных животных из листьев и снега.

По-видимому, в результате того, что не всегда отдельные чукчи могли принести требуемую кровавую жертву, появились ее заменители, которыми, по мнению чукчей, вполне удовлетворялись их «божества», особенно «Творец». В мифах он сам делал оленей из дерева, снега, прутьев, земли, а на другой день они оживали и превращались в настоящих. Веря в это, чукчи лепили фигурки оленей из жира, толченого мяса, из ивовых толченых листьев или из других растений и корней, употребляемых ими в пищу, и даже из снега (рис. 14).¹⁵⁰ Наиболее распространенным видом «заменителей» при жертвоприношениях служили особого рода колбасы, изготовлявшиеся чукчами: *рорат* — третий желудок оленя, начиненный мясом и жиром, и *нанувье* — начиненная мясом прямая кишка. Колбаса представлялась как заменитель живого оленя, и поэтому при жертвоприношении по ней наносился удар ножом, символизировавший закалывание оленя.

Чукчи не выработали никаких определенных по форме и содержанию, общепринятых формул (молитв) при обращениях во время жертвоприношений. Такого рода обращения всегда были индивидуальными. Они выражали определенную просьбу, носили лаконичный, предельно конкретный и ясный по содержанию характер. Образцы таких обращений приводились выше. Вместе с тем, у них довольно широко были распространены

¹⁴⁹ Bogoras W. Chukchee Mythology, p. 96—97.

¹⁵⁰ Богораз В. Г. Материалы..., с. 164; Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 72, рис. 64.

разного назначения заклинания, т. е. словесные выражения, предназначенные для того, чтобы отвратить от человека несчастья, обеспечить успех в промыслах или других делах. В них заключена вера в магическую силу слова. Чукотское слово *эвъян* — «заклинание», «заговор», «наговор» происходит от основы *ив/эв* — «говорить», а суффикс *-яне* придает этой основе значение обладания. Таким образом, получается, что *эвъян* значит «тот, кто является обладателем слова», «знает (особое) слово». У чукчей зарегистрировано несколько видов «заклинаний»: для приручения диких оленей, при охоте на диких оленей, при охоте на моржей, для укрощения непогоды, против прихода кэле, для защиты стада от копытной болезни, от нападения волков на стадо, лечебные заклинания и др.¹⁵¹ Все они записаны от разных лиц и несомненно представляют индивидуальное творчество. Некоторые из них имеют личное назначение (например, против прихода кэле), другие — общественное, для успеха патриархальной общины (при охоте на морского зверя, для укрощения непогоды и др.). Заклинания чукчей содержат не только требования, просьбы, но часто обращения к высшим существам, в ведении которых находится просимое. Так, заклинания для укрощения непогоды обращены к Зениту. Многие из них содержат последовательное описание воображаемых действий разных существ, животных, якобы невидимо защищающих человека, оберегающих или помогающих ему. Так, в заклинании против прихода кэле говорится: «Когда приходит вечер, я призываю с обеих сторон входа в мой полог по одному большому медведю... Затем здесь есть маленькая старуха с железным бичом... Она всю ночь размахивает этим бичом перед входом в полог. Это отпугивает кэльэт. Кроме того, две большие полярные совы сторожат шатер...».¹⁵² Некоторые из заклинаний, в исполнении которых принимают участие высшие существа («Творец» и др.), сопровождаются жертвоприношениями или обещанием принести жертву.¹⁵³ Некоторые из них сопровождаются действиями, пантомимами, предназначенными показать желаемый исход заклинания. При лечении больного произносящий заклинания «поднимает с земли... щепку и заявляет, что это — Человек из Верхней Страны».¹⁵⁴ Или заклинатель «протягивает руки и как бы принимает сверху одежду», затем «делает вид, что надевает одежду на больного».¹⁵⁵ Предполагалось, что в каждой чукотской семье, а в патриархальной общине тем более, кто-нибудь из старших ее членов знал по крайней мере несколько заклинаний, особенно хозяйственного и промыслового назначения, и исполнял их в нужное время. И имущественное неравенство, существовавшее среди чукчей, они объясняли тем, обладает или не обладает данная семья могущественными заклинаниями. Успех в оленеводстве приписывался действию сильных заклинаний, которыми владел хозяин стада. Про бедняков говорили, что они не имеют заклинаний, приносящих счастье. Успех в морском промысле объяснялся также заклинаниями.¹⁵⁶ Это наивное толкование причин богатства и бедности среди чукчей подтверждает параллельную социально-экономическому развитию поступь религиозных верований и представлений. Оно также свидетельствует о преобладании в сознании чукчей (в конце XIX в.) мифических, а не рационалистических объяснений общественных явлений их собственной жизни.

¹⁵¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 165—174; Bogoras W. Chyckchee Mythology, p. 124—136.

¹⁵² Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. II, с. 167.

¹⁵³ Там же, с. 166.

¹⁵⁴ Там же, с. 168.

¹⁵⁵ Там же, с. 169.

¹⁵⁶ Там же, с. 146.

Зависимость от промыслов породила целую систему «воздействия» на природу, с тем чтобы получить добычу: тут и жертвоприношения умиловительного и благодарственного назначения, разовые и регулярные (мңэгыргыт), и, наконец, промыслово-магические пантомимы. Магические действия, как известно, представляют составную часть всякого культа.¹⁵⁷ Последние были созданы воображением охотников, полагавших, что, изображая действия, которыми всегда сопровождалась удачные промыслы, они сумеют побудить Природу к щедрости и она наделит их необходимым. Выше уже отмечалось, как члены байдарной общины «тянут головы моржей», имитируя итог удачной охоты. Жизнь чукчей Беринговского района во многом зависела от успешного рыболовства. Поэтому появление лососей у берега моря отмечалось особо. Первую пойманную рыбу варили в общем котле, делили между всеми жителями селения. Затем плели из сухой травы веревку, на нее нанизывали головы рыб и с «усилиями» волокли их от берега моря к вешалам, говоря при этом: «Вот много рыбы принесли». Когда начинался рунный ход рыбы, эти головы снимали с вешал, варили и давали всем жителям по кусочку. При этом кости складывали в специально для этого случая сплетенное из травы блюдо, несли его куда-нибудь в сторону, где и закапывали кости в землю.¹⁵⁸

Религиозные культы чукчей, помимо описанных выше, включали также промыслово-магические пантомимы. О них мы можем лишь упомянуть, так как не располагаем достаточными материалами для того, чтобы установить место и назначение пантомим в системе культовой обрядности чукчей. Одно остается очевидным, что пляски-пантомимы были непременной частью отправления жертвоприношений, связанных с сезонными хозяйственно-производственными и промысловыми итогами. Эта сторона культов у чукчей остается неизученной, как впрочем и некоторые другие, например личные песни (напевы), их содержание и значение.

На основании изложенных материалов можно сказать, что у чукчей еще не сформировалась единая, общая для всех религиозно-культовая обрядность. В их культовой системе прослеживаются две линии развития. Одна, присущая всем чукчам (от Берингова пролива на востоке до р. Колымы на западе и от побережья Ледовитого океана до южных границ расселения чукчей), содержит представления и культы, сложившиеся, по-видимому, тогда, когда предки современных чукчей были континентальными охотниками на дикого оленя. От этого периода в религиозном сознании чукчей — оленеводов и морских зверобоев — сохранились общие им культы: «Творца» (Полярной звезды, Зенита), Природы, созвездия Пэгиттин, килвэй, мңэгыргын (благодарственное служение по случаю добычи крупного зверя), культ предков. Другая линия развития религиозных представлений и культов начала складываться в результате обособления, перехода части чукчей к оседлому образу жизни и морскому зверобойному промыслу. Эти чукчи заимствовали ряд представлений и культов у эскимосов (культ моря, матери кита, матери моржа и др.) и в то же время, видимо, перенесли на морской зверобойный промысел некоторые идеи и культовые обряды из тех, что они имели, будучи охотниками на дикого оленя (вместо выльгыжаанмат — жертвоприношения по случаю возвращения стада с летовья — жертвоприношения в связи с окончанием летне-осеннего сезона охоты на мор-

¹⁵⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, с. 342.

¹⁵⁸ Эти данные сообщил нам Н. М. Коравье.

ских зверей). Таким образом, культовая система чукчей в значительной степени определялась особенностями производственной и промысловой деятельности, отражала тесную связь с ними, определялась ими. Поэтому у разных территориальных групп чукчей мы встречаемся с различными по значимости промысловыми культами. Так, чукчи сел. Лорино, Мечигмен, специализировавшиеся главным образом на промысле китов, почитали их, устраивали осенние жертвоприношения морю, «праздник кита». Жители же сел. Аккани, Янранай, м. Шмидта промышляли преимущественно моржей, они почитали море и мать моржей. Оленеводы отправляли культы, связанные с оленеводством и особенностями местных промыслов. Чукчи побережья моря южнее устья Анадыря, для которых главным было рыболовство, отправляли культы, определявшиеся этим видом промысла.

Натуральный характер всего комплекса производства и промыслов чукчей, разобщенность их территориальных групп, неразвитость экономических и общественных связей, — все это получило соответствующее преломление в религиозном сознании чукчей и в их культах.